

КОРОЛИ
ФРАНЦУЗСКОГО
ТРИллЕРА

МАКСИМ ШАТТАМ

ДУША
ЗЛА

18+

Короли французского триллера

Максим Шаттам

Душа зла

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Шаттам М.

Душа зла / М. Шаттам — «Издательство АСТ», 2002 — (Короли французского триллера)

ISBN 978-5-17-127490-0

Он очень старался расположить их к себе, заманивая в ловушку, но его глаза оставались ледяными. Ему нравилось наблюдать за жертвой, дрожащей, почти сходящей с ума от ужаса. Опасный психопат, он убивал женщин с изощренной жестокостью. Но однажды полицейскому Джошуа Бролену удалось уничтожить маньяка, и город ненадолго вздохнул с облегчением. Спустя год вновь обнаружен обезображенный женский труп. Тот же почерк, то же гнетущее ощущение страха и бессилия. Неужели убийца восстал из мертвых? Бролен и единственная выжившая жертва маньяка пытаются прервать череду смертей, но можно ли остановить того, кто сам является порождением ада? Роман «Душа зла» открывает цикл «Трилогия зла» Максима Шаттама.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-127490-0

© Шаттам М., 2002
© Издательство АСТ, 2002

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1	9
2	16
3	23
Часть вторая	36
5	44
6	46
7	48
8	51
9	54
10	57
11	61
12	65
13	69
14	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Максим Шаттам

Душа зла

Maxime Chattam L'AME DU MAL

© Éditions Michel Lafon, 2002

© Петров М., перевод, 2021

© Чекмезова А., перевод Данте, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Оформление обложки Александра Воробьева

* * *

Реальность превосходит любой художественный вымысел.

Эта мысль, правдивая на все сто, преследовала меня в течение двух лет, которые понадобились, чтобы написать этот роман. Два года я изучал криминалистику – азы ведения следствия, теорию и практику, судебную психологию, особенно мотивацию поведения серийных убийц. Я прочел, увидел и услышал о таких вещах, которые даже самый ловкий из писателей не рискнул бы ввести ни в одну из своих книг, несмотря на то, что сила его таланта могла бы заведомо смягчить факты. Я занимался делами, которые – прочти я о них в добротном романе – совершенно точно показались бы мне плодом вымысла, и все же... Два года спустя я обнаружил, что мои родители (и вообще все родители мира) лгали (и продолжают лгать) собственным детям: монстры существуют.

Не желая создавать апологию страха, я попытался сочинить роман о реальности.

Но она-то и вселяет настоящий ужас.

Максим Шаттам.

Эджкомб, 2 апреля 2000

То, что началось со зла, злом же и продолжится.

Шекспир, «Макбет»¹

¹ Перевод редактора.

Пролог

Окрестности Майами, 1980

Кейт Филлипс открыла дверь автомобиля и выпустила Джоша. Тот держал в руке пластмассовую фигурку Капитана Фьючера, прижимая ее к себе словно бесценное сокровище. Оба тут же окунулись в знойный воздух стоянки. Не приходилось сомневаться: лето будет очень жарким.

– Идем, ангел мой, – произнесла Кейт, поправив солнцезащитные очки на лбу.

Выйдя из машины, Джош принялся разглядывать фасад торгового центра. Ему очень нравилось бывать здесь, для него походы сюда становились синонимом удовольствия, воплощения мечты. Сотни игрушек, всевозможные наборы, представленные на огромном пространстве, – и все это можно трогать, а не просто увидеть по телевизору или в каталоге. Утром, услышав от матери, что она отправляется в торговый центр, Джош приложил все усилия, чтобы она взяла его с собой. И вот сейчас здание возвышалось прямо перед ним, и он чувствовал, как внутри растет возбуждение. Вдруг ему удастся уйти отсюда с игрушкой? С автоцистерной «Мажоретт», которой ему так не хватало, или даже с очередным оружием для Капитана Фьючера! День обещал быть великолепным, просто замечательным. Новая игрушка. Поистине классная мысль! Конечно, нужно было еще уговорить Кейт. Он обернулся к мамочке, собираясь спросить ее, и увидел, что она разглядывает купоны на скидки, заботливо вырезанные из газет и рекламных листовок.

– купишь мне игрушку, мама? – поинтересовался он нежным голосом ребенка, которому почти исполнилось четыре.

– Не начинай, Джош, и поторопись, иначе в следующий раз я не возьму тебя с собой.

Мальчик козырнул ей, как это часто делал его отец, и отправился вслед за матерью через стоянку к зданию.

– Ну и жара! – бросила Кейт, пытаясь обмахиваться ладонью. – Не спи на ходу, дорогой, иначе мы просто растаем на солнце!

Джош, не совсем понявший, что имеет в виду мать, тем не менее прибавил шагу, и они вошли внутрь здания, где находилось множество разных магазинов. Вдоль прохода тянулись стойки с газетами, главной новостью в которых был бойкот американцами Олимпийских игр в Москве. Все только об этом и судачили. Некоторые усматривали в бойкоте начало мирового кризиса, уже мысленно представляя кубинские баллистические ракеты, поднимающиеся над горизонтом. Однако для Кейт это была всего лишь обыкновенная политическая интрига. Обыкновенная возня, как говаривал Стивен, ее муж. «Лучше держаться в стороне от всего этого, – добавлял он, – спокойно жить в своем углу, зарабатывать себе пропитание на станции техобслуживания, в свободное от работы время, на протяжении последних пяти лет сочиняя пьесу и выкуривая несколько косяков “по случаю”. Но только не лезть в политику». Кейт поддерживала его. Она поддерживала многое из того, о чем говорил Стивен. Он частенько бывал прав, именно поэтому Кейт в него и влюбилась.

Бросив последний взгляд на газеты и заторопившись вперед, она заставила Джоша перейти почти на бег.

Они прошли мимо многочисленных полок с пляжными принадлежностями, которые свидетельствовали о неминуемом наступлении лета с его толпами отдыхающих.

В просторном холле все время гудели сотни голосов покупателей, сливаясь в единый гул.

Кейт толкала тележку, на которую Джош попытался залезть сбоку, подражая гангстеру из телефильма, вскочившему на подножку старинного автомобиля. Проезжая мимо длинных рядов игрушек, ребенок дергал мать за юбку.

– Мамочка, скажи, я могу посмотреть их, а, могу?

Кейт вздохнула. Поход в магазин всегда был для нее тяжелым испытанием: необходимость бесконечно блуждать между длинными полок, выбирать товар из сотен почти одинаковых... Она вспомнила, что Стивен просил не забыть про лед, и перспектива приготовить на обед барбекю стала бальзамом для ее израненной души. На обед должны прийти Сэллинджеры, Дейтон и Молли, которую она еще не видела с тех пор, как два года назад они наконец-то вернулись домой. Взбодрившись от этой мысли и представляя себе запах жарящихся гамбургеров, предвкушая удовольствие от встречи с друзьями юности, Кейт пришла в хорошее расположение духа.

Джош снова потянул ее за юбку – он ждал ответа. Мать собралась было упрекнуть его за настойчивость, но тот скорчил гримасу, умоляя ее:

– Ну, пожалуйста, мамочка, я просто посмотрю, я могу остаться здесь...

Взад и вперед мимо них неторопливо двигались тележки: казалось, они стоят в пробке на забитом автомобилями в час пик шоссе.

Джош умоляюще глядел на мать.

«Не выношу, когда он так смотрит», – подумала Кейт.

Не собираясь иметь дело с плачущим и стонущем Джошем, который в любом случае не успокоился бы до самого конца похода по магазинам, Кейт пожала плечами. Ей очень хотелось поскорее вернуться домой, спокойно сесть в маленьком саду, встретиться с друзьями.

«Я могла бы пройтись вдоль прилавков в одиночку и очень быстро завершить всю эту тягомотину с покупками, если оставлю его здесь», – подумала она и сказала:

– Ок, можешь подождать меня тут, но предупреждаю: ты не будешь делать глупостей и трогать игрушки. И я ничего тебе не куплю – это чтобы все сразу расставить по своим местам.

Джош радостно кивнул, не тревожась по поводу последней фразы – она всегда так говорила. Но в итоге он все-таки мог что-нибудь получить, если бы как всегда стал настаивать, дождавшись горящую желанием поскорее убраться отсюда Кейт с набитой тележкой. Джош уже направился к пластиковым фигуркам, когда мать окликнула его:

– Эй, супермен, не хочешь чмокнуть мамочку в щечку?

Чуть улыбнувшись, Джош вернулся и быстро поцеловал мамочку, а затем направился к фигуркам своих героев. Кейт Филлипс, молодая мать, которой едва исполнилось двадцать три, с восторгом смотрела на удаляющегося сына.

Больше она никогда его не видела.

Портленд, Орегон,

наши дни

Часть первая

*Серый волк под горой
Не пускает нас домой.
Детская потешка*

1

На мерцающем экране компьютера, под неторопливое урчание, одно за другим появлялись слова.

Оберон: Вечерние чаты вгоняют в депрессию. Мне одиноко. А тебе?

Сидевшая перед экраном Джульет Лафайетт нахмурилась. Она повернулась посмотреть, как там другой компьютер, в это самое время качавший из Интернета новую программу. На мониторе с автоматической точностью появлялись цепочки данных. Простой стол в форме буквы «Г» – она использовала его как рабочий – был постоянно завален книгами, и на нем вполне хватало места для двух компов. Джульетт возобновила беседу, начатую с Обероном.

Иштар: Я чувствую себя так же, как и в любой другой вечер.
Опустошенной.

На экране выделялись черные буквы, образовывавшие ее ник. Иштар. Ей нравилось имя этой богини. Сотни тысяч людей ежедневно пользовались Интернетом, чтобы общаться, ничего не зная о своих собеседниках, и ник был их единственной связью с кем-то по ту сторону экрана. Со всеми другими, которые зависали в Сети.

Ее партнер по одиночеству снова ответил.

Оберон: Понимаю твои чувства. У меня то же самое. Пустота, мрак и пожирающая мир ночная мгла.

Иштар: За что я люблю Интернет, так это за легкость, с которой люди могут изъясняться. Я могу рассказать тебе про свою жизнь, и это мне ровным счетом ничего не будет стоить, потому что мы никогда не встретимся. Я не чувствую на себе бремени твоего взгляда.

Оберон: Коротая таким образом наши одинокие вечера, мы в конце концов станем нужны друг другу.

Джульет ласково покачала головой.

Иштар: Только этого не хватало. Кроме того, мы не совсем одиноки. У тебя, как ты мне все время твердишь, есть ночь, а у меня, смею тебе напомнить, мои занятия!

Оберон: Правда, а я и забыл. Ты сегодня была в универе?

Джульет улыбнулась и мгновение размышляла, прежде чем вновь застучала по клавиатуре.

Иштар: Почему ты спрашиваешь? Ты что, один из моих преподав? Следишь за мной?

Джульет выловила остатки китайской лапши, остывавшей в чашке. Опустила пониже галогеновую настольную лампу, отчего комната погрузилась в мягкий полумрак. В ночи зала-яла соседская собака.

Оберон: Нет, но я тобой интересуюсь. Ты о себе не слишком-то много рассказываешь. А мне бы хотелось узнать тебя получше.

Джульет внимательно перечитала слова собеседника, а потом сформулировала ответ.

Иштар: Похоже, дорогой Оберон, что с того самого момента, как мы начали обмениваться мыслями, ты подбираешься ко мне. Не так ли?

Она сердито поджала ноги, отчего несколько кусочков лапши упало на ковер.

Оберон: Ровно два месяца. Мы общаемся в Интернете вот уже два месяца, и все, что я о тебе знаю, – это то, что ты девушка двадцати трех лет, любишь историю и мифологию, отсюда это прозвище, Иштар, богини любви и войны, а еще, что ты обожаешь китайскую лапшу, причем мне кажется, что как раз сейчас ты ее ешь.

Джульет перестала жевать. Откуда он мог знать, чем она занята, если, конечно, в этот момент не подглядывал за ней? Она медленно сглотнула и поставила пиалу на стол. Но почти сразу ее сердце стало биться в прежнем спокойном ритме. «Ты – идиотка, бедная моя! – подумала она. – Откуда он может знать, что ты сейчас делаешь? Он знает, что ты ешь, потому что ты почти всегда ешь в одно и то же время! Он все время читал про это и запомнил!»

Оберон: Ну, что?

Пальцы Джульет запорхали по клавиатуре, словно она целыми днями упражнялась, сидя за фортепиано.

Иштар: В яблочко! Видишь, ты уже много знаешь о моих кулинарных пристрастиях... Чего ты можешь еще желать?

Оберон: Хочу узнать, кто ты на самом деле. Кто прячется под ником Иштар.

Иштар: Студентка четвертого курса психфака. Этого достаточно?

Ответ таинственного Оберона появился почти сразу.

Оберон: Хорошее начало. Предлагаю тебе сыграть в небольшую игру. Чем больше ты рассказываешь про себя, тем больше я раскрываюсь тебе в ответ. Что скажешь? Давай откроемся друг другу.

Джульет отодвинула почти пустую пиалу, прошептала:

– Осторожнее, Оберон, по-моему, ты заходишь слишком далеко.

И быстро написала ответ.

Иштар: Очень сомневаюсь, что это возможно. Уже поздно, я пошла. Спокойной ночи, и до скорого, быть может, опять в Сети...

Она встала, с шумом потянулась, и уже собралась было выключить компьютер, когда на экране появились слова.

Оберон: Не отсоединяйся! Не делай этого!

– Сожалею, король эльфов, но я устала.

Она нажала кнопку выключения, и вентилятор, вздохнув в последний раз, замолчал. Вторая машина, закончив установку полной версии программы, требовавшейся для увеличения памяти, тоже была выключена. Девушка прошла мимо шкафа и замерла перед большим зеркалом. Посмотрела на собственное отражение. Высокая и худая. «Может быть, даже слишком, – подумала она, – мне надо больше заниматься спортом, намного больше». Потрогала свои, все еще упругие, несмотря на долгие часы, проведенные в сидении перед компьютером и за книгами, ягодицы. Потом принялась рассматривать лицо. Пухлые губы, нос, который ее мать называла «вздернутым», длинные волосы, окрашенные в черный цвет – так она делала уже два года, сначала из эстетических соображений, чтобы подчеркнуть синеву глаз, а потом

попросту заметив, что ей так больше идет: черные волосы указывают на ее независимый характер с определенным оттенком меланхолии. Заметив высокую девушку с иссиня-черными волосами, большинство молодых людей пытались поймать ее взгляд. Сколько раз она чувствовала, какое влияние ее глубокие синие глаза имеют на мужчин! Наиболее самоуверенные из них – и те впадали в ступор; видеть, как они стоят с разинутыми ртами, было забавно. Но вскоре это начало ее утомлять. По-настоящему приблизиться отваживались немногие – остальные, конечно, думали, что столь необыкновенное создание наверняка не имеет недостатка в любви, а те, кто все же справлялся с неуверенностью, потакали собственному нарциссизму – с соблазном это не имело ничего общего. Поэтому, будучи по природе довольно застенчивой, Джульет проводила вечера в одиночестве, усевшись между двумя системными блоками и экранами, а вовсе не предаваясь романтике, как поступают многие молодые женщины.

По-своему это означало вообще никак не рисковать – и это устраивало Джульет. Те, с кем мы общаемся в Интернете, обычно скрываются за глуповатыми никами, иногда, правда, способными рассказать о человеке довольно многое. Тут можно беседовать с первым встречным, не объясняя ему, кто ты и почему здесь оказался, и как только беседа становится неприятной, достаточно просто отсоединиться и больше уже не читать сообщения, забыть про все. С Обероном, встреченным ею на одном из форумов, Джульет связывало подобие приятельских отношений. Иногда по вечерам они болтали, не зная о собеседнике правду. Интернет представляет собой отличное средство *safe communication* – безопасной коммуникации. Однако совершенно очевидно, что такому способу общения не хватает теплоты.

Соседская собака залаяла сильнее.

– Заткнись, Рузвельт! – крикнула Джульет в распахнутое окно комнаты.

«Что за странная мысль назвать собаку Рузвельтом! Я вот ни секунды не буду ломать голову, выдумывая имя своей собаке, если когда-нибудь ее заведу! И вообще, я проведу остаток дней, как старая колдунья, одна в своем логове!» – подумала она.

Этот образ вызвал у нее улыбку.

Девушка отправилась спать.

Свет в ее комнате погас в половине первого ночи.

* * *

Прошло несколько дней. Окруженная сонными однокурсниками, Джульет Лафайетт рассеянно слушала преподавателя, разглядывая мокрый серый пейзаж за окном. По стеклам стучал дождь. Профессор Томпсон читал лекцию так монотонно, что половина студентов уже спала глубоким сном. Мысли Джульет блуждали далеко, по Калифорнии, куда ее родители уехали жить два месяца назад. Тед Лафайетт получил новую должность и переехал в Сан-Диего, его жена Элис последовала за мужем в солнечные края, сменив работодателя и желая таким образом избавиться от гнета рутины. Джульет выросла в Портленде, ее немногочисленные друзья тоже жили тут, здесь были сосредоточены все ее интересы, потому-то она и не захотела уехать вместе с родителями. В некотором роде оставалась хранительницей семейного очага. Не всегда легко было жить в одиночестве на громадной вилле – но, в общем, она привыкла, превыше всего цenia независимость и порой разрывая отношения с любовниками из-за боязни потерять свободу – правда, их было не так уж и много. Самым сложным для Джульетт было не столько справляться с чувством одиночества – хотя по ночам ей порой и становилось страшно из-за всяких пустяков, – сколько соблюдать режим дня. Вставать в один и тот же час, следить за домом и главное правильно питаться. Джульет была неспособна баловать себя бессмысленным количеством милых блюд, обычно она ела немного и все подряд – то, что не требовало длительного приготовления.

– Можно выделить три фазы Стокгольмского синдрома...

Голос профессора Томпсона вдруг прозвучал странно, как голос какого-нибудь призрака.

«Мне бы надо немного сосредоточиться, если я не хочу быть отчисленной в начале года», – подумала Джульет, поморгав, чтобы прогнать навязчивые мысли. В коридоре раздались взрывы смеха, Томпсон сердито бросил быстрый взгляд на дверь, а затем продолжил:

– Первая фаза, взятие заложников, характеризуется развитием у них стресса, как правило, сильного. Затем наступает фаза удерживания, во время которой заложников шантажируют: эту фазу можно назвать периодом дегуманизации, заложники становятся товаром для обмена. Однако именно в этот момент происходит идентификация заложника с агрессором, страх смерти понемногу отступает, и заложник начинает симпатизировать преступнику. И, наконец, фаза последствий, характеризующаяся посттравматическим шоком или депрессией.

Джульет была восхищена этой странностью. Как захваченные и удерживаемые против воли люди могли испытывать симпатию к собственным мучителям? Профессор Томпсон рассказал о женщине, влюбившейся в своего похитителя, за которого она в итоге вышла замуж, и Джульет не смогла удержаться от улыбки. «Как в голливудском фильме, – подумала она. – Не хватает только Кевина Костнера в роли злодея, и вот, пожалуйста, готовая кинокартина! Реальность часто превосходит любой художественный вымысел».

Десять минут, оставшиеся до конца лекции, пролетели незаметно.

Джульет вышла на парковку для студентов и скользнула внутрь своего крошечного «Жука». Дождь прекратился буквально несколько минут назад. Джульет направилась на юг, по дороге остановившись возле «Seven-Eleven» купить пива. Был вечер среды, и, как обычно, она собиралась провести его у лучшей подруги. Джульет и Камелия были совершенно не похожи. Джульет – двадцать три года, Камелии – тридцать два. Если Джульет чувствовала себя спокойнее, находясь дома в одиночестве, то Камелии, наоборот, нравилось регулярно куда-нибудь выходить, и когда-то она даже была замужем, целых пять лет. Однако едва подруги начинали разговор на любую тему, как между ними возникало абсолютное взаимопонимание. Каким бы ни был сюжет беседы, у Джульет и Камелии всегда обнаруживались общие темы, и, болтая, они частенько засиживались за полночь.

«Жук» замер перед фасадом дома с облезшей краской.

Камелия открыла дверь. Это была высокая женщина с длинными светлыми, немного вьющимися волосами. При виде подруги ее лицо озарила широкая улыбка.

– Добрый вечер, красotka!

– Салют! Приближается октябрь, а вместе с ним – холода, – ответила Джульет, торопливо входя в прихожую.

– Я сейчас как следует растоплю камин, устраивайся.

Разглядывая загорелую кожу Камелии, Джульет нахмурилась.

– Мне казалось, ты перестала баловаться ультрафиолетом, – произнесла она. – Для твоей кожи это вредно!

– Скажем так – это последний каприз на память об ушедшем лете. Я приготовила салат из желудков – просто вершина французской кухни! Это должно напомнить тебе о твоих корнях.

– М-м-м, из всей моей семьи об этом вспоминает только отец, – улыбнулась Джульет. – Мне кажется, иметь французского дедушку – это своеобразный снобизм. Что-то вроде привилегии, знака принадлежности к королевской крови.

Джульет поставила пиво на кухонный стол. Где-то в глубине дома продолжал показывать новости телевизор.

– Как поживают родители? – поинтересовалась Камелия.

– Звонили вчера вечером, маме там нравится, правда, сложновато приспособиться к жару, но в целом нормально. Отец много работает, возвращается домой поздно и часто продолжает работать даже в уик-энды. Самое удивительное, как говорит мне мама, что калифорнийцы все такие, у них совершенно особый менталитет.

– Ты что, никогда не была в Калифорнии? – удивилась Камелия, поставив тарелки на поднос.

– Нет. Знаешь, я и путешествия... Не могу сказать, чтобы я часто выбиралась за пределы Орегона.

Камелия уперлась руками в бока, отставив ногу и чуть наклонившись вбок.

– Тогда купи себе новый купальник, и я отвезу тебя на уик-энд в Лос-Анджелес, там на пляжах полно мускулистых парней.

– В конце сентября?

– Эй, малышка, такова особенность калифорнийского менталитета – настоящий калифорниец выше любых сезонов. Да и вообще, он всегда любит быть сверху, если ты, конечно, понимаешь, что я хочу сказать...

Джульет пропустила мимо ушей это сальное замечание и ответила лаконично:

– Как бы тебе сказать... Пляжи это не мое.

Камелия посмотрела Джульет в глаза.

– Джульет, в какой-то момент тебе все-таки придется влюбиться, таков удел всех смертных, иначе остаток жизни ты проведешь в одиночестве и забвении!

– Но я не хочу себя заставлять! Мне кажется глупым проводить дни напролет полуобнаженной, умирая от жары, под пристальными взглядами всех этих мужиков, страдающих от недостатка секса, и чувствовать, как ссыхается от морской соли моя кожа. Может, я размышляю не модно, но, уж прости, ничего не могу с собой поделать. – выпалила Джульет.

Камелия снисходительно посмотрела на нее и покачала головой.

– Решительно, тебя не исправишь. Ладно, помоги мне отнести все это в гостиную.

Они поставили тарелки на чудесный стол из дымчатого стекла. Дом Камелии был большим, с хорошей дорогой мебелью. Алиментов, которые платил бывший супруг, хозяйке хватало на то, чтобы потакать некоторым своим капризам.

Подруги с аппетитом поели, щедро запивая еду пивом и вином. В десять вечера обе почувствовали, что немного опьянели, и устроились перед телевизором. Джульет без конца хихикала, а Камелия со злорадным удовольствием комментировала бестолковую болтовню героев комедийного сериала.

Они просмеялись целый час, прерываясь лишь для того, чтобы разлить вино или переключить канал. Камелия любила повторять, что является продуктом общественной погрешности, поскольку была зачата родителями во время великого нью-йоркского блэкаута 1965 года, и не переставала критиковать современное телевидение за его отупляющее воздействие. Слушая об этом, Джульет то и дело разражалась смехом.

– Ты проклинаешь телевидение уже целый час, – заметила она, – но ты же смотришь его!

– Это потому, что я отказываюсь верить увиденному и продолжаю искать какую-нибудь умную передачу...

Взрывы хохота стали еще сильнее.

Незадолго до полуночи Джульет решила, что пора ехать домой. Камелия настаивала, чтобы подруга не садилась за руль в таком виде и осталась спать в одной из гостевых комнат, но Джульет отказалась. Она пообещала рулить медленно и соблюдать осторожность, тем более, что расстояние между их домами было небольшим – она жила на вершине холма едва ли в километре от подруги.

Выйдя на крыльцо, Камелия на прощание махнула рукой и отправилась спать. Джульет спустилась по ступенькам, ощутив ночную прохладу и порадовавшись, что та поможет ей привести мысли в порядок. Она ощущала себя немного нетрезвой, однако пары алкоголя, как ей казалось, уже достаточно выветрились, и она сможет управлять машиной. Но почувствовав, что ее еще немного шатает, Джульет глубоко вздохнула, стараясь прийти в норму. Облокотившись

на перила, она загляделась на спускающиеся каскадом крыши домов и сады. Вдали, словно темная лента, делила пополам центральную часть города река Уилламетт. Контраст был значительным: под ногами Джульет как на ладони раскинулся светящийся огнями Портленд, все его здания и переполненные улицы. И все-таки она не различала там явных признаков жизни – лишь группки безмянных огней.

«Отличный момент для философствований! – мелькнуло у девушки в голове. – Уже полночь, а ты впала в ступор, наслаждаясь видом города; придумать что-то более пафосное было просто невозможно!»

Отвернувшись от давно знакомого зрелища, Джульет пересекла улицу, обогнула стоявший рядом с «Жуком» пикап и принялась искать в кармане джинсов ключи. Она одновременно копалась в двух карманах, когда вдруг заметила, что заднее колесо полностью спущено. Напоминающая выплунутую жевачку, шина безжизненно распласталась по асфальту.

– Блин! Только не сегодня!

Она прислонилась к «Жуку», пытаясь привести мысли в порядок, когда сзади раздался голос, заставивший ее вздрогнуть:

– Какие-то проблемы, мисс?

Джульет резко обернулась и оказалась нос к носу с мужчиной лет двадцати. Очевидно поняв, что напугал ее, он сразу же отступил назад, извиняясь.

– Мне очень жаль, – пробормотал он. – Я не хотел вас напугать.

Он казался почти таким же взволнованным, как и девушка, и Джульет показала ему знаком: ничего страшного не произошло.

– Это я такая: всего боюсь, – выдохнула она, приложив ладонь к сердцу.

– Вижу. Мне показалось, что у вас проблемы, – добавил парень, ткнув пальцем в сторону спущенной шины.

– Да, но это пустяки, я живу совсем близко отсюда.

– Хотите, я вас подвезу? Я припарковался рядом.

Он указал на большой синий пикап, стоявший в нескольких метрах выше по улице.

Глаза незнакомца бегали по сторонам: он не смотрел на Джульет, разглядывая пространство вокруг. Банальная внешность, темные волосы средней длины, довольно крепкое телосложение, но что-то в нем было неестественным. В течение нескольких секунд Джульет наблюдала за незнакомцем, а потом ответила немного смущенно:

– О, нет, это очень мило, но мне тут всего пять минут пешком.

– Уверю вас, мне это совсем не трудно, – с улыбкой настаивал незнакомец.

«Да он просто бабник, – решила Джульет, – внешне ничего особенного, но держится отлично».

В ее голове даже мелькнула мысль, что эта встреча могла бы перерасти в историю любви, типа той, что обычно рассказывают пожилые семейные пары. И все-таки в присутствии этого парня она почему-то испытывала стеснение. За его широкой улыбкой угадывалось что-то другое, почти неуловимое.

«Глаза. Его глаза выражают совсем не то, что он пытается изобразить на лице», – подумала Джульет.

И действительно, во взгляде незнакомца сверкали холодные искры. Он очень старался расположить ее к себе, и тем не менее его глаза были тусклыми, как у мертвой рыбы.

– Ну, что? – заторопился он.

– Дойду сама, так будет лучше. В любом случае спасибо, – ответила Джульет, выдавив улыбку. – Спокойной ночи.

Она двинулась прочь и сразу же услышала за спиной булькающий звук, словно незнакомец встряхнул бутылку с виски.

И прежде чем она смогла понять, что происходит, ее лицо окутало ватное облако.

В горле вспыхнули языки пламени.
Джульет попыталась сопротивляться, но ее держали изо всех сил.
В голове пронесся вихрь сумрачных образов.
Легкие взорвались огнем.
И через несколько секунд наступила ночь.

2

В коридоре стояла темень. Где-то в подвале с потолка капала вода. И самое неприятное: видимость была не более двух метров. А потом из темноты вдруг выпрыгнуло что-то огромное и отвратительное. Монстр оказался быстрее человека и обезглавил его, а тот, замерев от неожиданности, даже не успел вытащить оружие.

– Вот дерьмо! – воскликнул Джошуа Бролен, подпрыгнув в кресле и выключив видео-приставку.

Кабинет, в котором он сидел, располагался на шестом этаже Департамента полиции Портленда и был залит уличным светом, проходившим сквозь большие окна; кроме того – редкость для любого управления полиции – он был еще и просторным.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возник человек в форме полицейского. Крепкое телосложение, седеющие волосы, круги вокруг глаз. Его звали Ларри Салиндро, и настроение у него было хуже некуда.

– Ты уже два года инспектор, а таблички на двери все нет, – заявил Ларри таким тоном, словно речь шла о его собственном кабинете. Сразу же заметив портативный телевизор и приставку, он добавил: – Что, Джош, все прешься от этих детских забав?

– Поверь, я пытался бросить, но это хуже, чем бросать курить! Эта штука – единственное, что позволяет мне на время забывать о работе. Это – мой персональный антистресс.

– Ну да, антистресс. Кстати, вот отчет судмедэксперта, составленный после вскрытия нашей милой барышни, выловленной позавчера утром, – бросил Салиндро, положив папку на заваленный бумагами стол. – Анализ на микрочастицы сделали вчера, но не успели как следует все оформить, он будет у нас в течение дня.

Ларри сел, ослабив свой большой ремень и высвободив заплывший жиром живот. Слишком много лишних килограммов. Через месяц ему должно было исполниться пятьдесят. Ларри Салиндро служил в полиции Портленда уже двадцать семь лет и все эти годы поглощал чересчур много сладостей любых сортов, что не могло не отразиться на его фигуре.

Бролен схватил папку, вытащил очки из очечника и нацепил их на нос. В сочетании с темными, спадавшими на лоб прядями волос, большими глазами орехового цвета, постоянной улыбкой на губах и массивным квадратным подбородком очки придавали ему необычную строгость. В тридцать один год Бролен был самым молодым инспектором Криминального отдела. Его часто упрекали в том, что он больше похож на «звезду» футбола – потому и дали прозвище КБ, чем на инспектора полиции. Так коллеги намекали ему, что он не должен выходить за пределы своих сугубо профессиональных обязанностей.

Джошуа Бролен проделал путь, противоположный традиционному: начал в ФБР, а затем перешел на службу в полицию. Имея в кармане диплом и обладая истинным даром к изучению психических патологий, Бролен хотел поступить на работу в ФБР, в Криминально-следственный отдел, окунуться в самую гущу преступлений. Сначала он сдал серию вступительных тестов в Академию ФБР в Квантико, затем для него начались наискуднейшие годы обучения. Успешно пройдя предварительный отбор, оказавшись среди лучших, он смог познакомиться с некоторыми членами КСО и обзавестись необходимыми связями. Помимо этих связей его желание совершенствоваться в тонкостях криминалистики и великолепные отметки позволили Бролену быстро получить разрешение на специальную дополнительную стажировку в КСО. Там он проявил способности анализировать и использовать информацию, касающуюся основных элементов следствия, и составлять точные психологические портреты преступников.

Но в этот момент все пошло не так, как ему хотелось. Бролен прекрасно знал, что нельзя стать профайлером² КСО сразу по завершении обучения, сначала нужно несколько лет поработать в каком-либо другом отделе: только постоянная практика ведения уголовных дел способна дать сыщику необходимые навыки, и только тогда тот может стать хорошим профайлером. Но Бролен наивно подумал, что его оценка «превосходно», полученная по большинству предметов, и крепкие связи с некоторыми сотрудниками отдела станут для него пропуском в КСО в обход принятой практики. Ничего подобного не случилось. Он мог попасть в ФБР, только проработав вначале пару лет обычным экспертом-криминалистом.

Несмотря на то, что сотрудники КСО производили впечатление людей холодных и неприступных, они все были одной большой семьей, где каждый готов помочь и дать совет своему коллеге. Особенно это было заметно, когда они занимались случаями причинения тяжких телесных повреждений, эпизодами кошмарного сексуального насилия и раскрытием прочих чудовищных преступлений. Тогда они превращались в команду – как правило, потому, что у них не было другого выбора; многие из них любой ценой добивались перевода в КСО на протяжении нескольких лет, но потом подавали заявление о переходе на другое место: здесь, если хотелось сохранить ясный рассудок и социальную вменяемость, не оставались служить до пенсии. День за днем сотрудники отдела занимались анализом наиболее отвратительных преступлений, совершаемых в стране: изучали фотоснимки, просматривали видеопленки с отчетами судмедэкспертов и полицейских. Само собой, каждый день, прожитый подобным образом, был погружением в самые мрачные уголки человеческой души.

Любопытно, что это не смущало Бролена, проводившего бесконечные учебные часы за оттачиванием мастерства следователя. Он научился умело погружаться в дела, перевоплощаться в убийц, воссоздавать мотивы их поведения, а затем вновь становиться Джошуа Броленом.

Как-то под вечер одного тяжелого дня директор КСО Роберт Дуглас сказал ему, что видит в нем прирожденного профайлера именно из-за умения отделять личную жизнь от работы. Ведь самая большая сложность для профайлера состоит в необходимости полностью раствориться в психологии убийцы, разобраться в причинах его поступков, стать с ним единым целым, чтобы понять, как тот собирается действовать дальше. Подобное умение достигается трудом на износ: профайлеру постоянно нужно жить с мыслью о деле, которое он расследует, и жертвах; он должен уметь сосредотачиваться на телесных увечьях и повреждениях, чтобы проникнуть в мозг преступника.

И тогда он сам фактически становится преступником.

Как минимум начинает разбираться в том, какие низменные желания руководят этим человеком. И только потом он оказывается способен нарисовать точный психологический портрет убийцы, определить мотивы его поступков и цели, может спрогнозировать, где тот нанесет очередной удар.

По словам Дугласа, сила воли, присущая Бролену, позволяла ему перевоплощаться без серьезных психологических последствий – а для профайлера нет ничего важнее. И в самом деле, Бролен обладал невероятной способностью к эмпатии, и не просто потому, что так было нужно; он делал это органично, полностью отдаваясь служебной необходимости. Закончив очередное дело, он забывал про него, совершенно не желая глубже вдаваться в случившееся. Все, чего он хотел, – остановить очередного психа прежде, чем тот совершит новое преступление. В коридорах академии частенько шептались, что все эти профайлеры из КСО, конечно, работают на ФБР, но если бы в детстве с каждым из них вдруг случилось что-то не то, однажды они бы

² Профайлер – специалист по выявлению лжи на основе мимики, жестов человека и его манеры говорить.

стали самыми страшными серийными убийцами в стране, и их фотографии были бы теперь припилены к стенам полицейских кабинетов.

Желание научиться читать следы, собирать улики, выстраивать психологический портрет и предугадывать следующий шаг убийцы – все это подтолкнуло Бролена поступить на службу в ФБР. Он получил значок, когда ему исполнилось двадцать восемь; вскоре его вызвал к себе Роберт Дуглас.

– Я знаю, ты хочешь стать сотрудником моего отдела прямо сейчас, ведь ты действительно почти один из нас, – начал он. – Но тебе придется набраться терпения. Безусловно, ты будешь классным профайлером, я тебе уже это говорил.

– Но? – протянул Бролен, чувствуя во рту горечь.

– Но я не делаю исключений. Сначала нужно набить руку, набраться опыта, несмотря на все те дела, которые ты уже расследовал. Всего четыре-пять лет, самое большее шесть. Я не прошу тебя о многом, поверь, но есть некоторые вещи, которые ты сможешь узнать только в городских джунглях. А потом вернешься к нам. И будешь работать здесь. – Заметив, как сильно нахмурился Бролен, Роберт Дуглас добавил: – Ну, а что ты себе воображал? Ты, может быть, и создан для этой работы, но я не собираюсь брать к себе человека, рискующего провалить дело из-за отсутствия опыта и зрелости. Ты видел парней, которые здесь работают как заведенные? Им всем минимум по тридцать. Я позабочусь о том, чтобы ты получил подходящую должность через несколько лет, когда ты вольешься в нашу команду.

Бролен понял: Дуглас не договаривает, но правда казалась бесспорной: у КСО была отличная репутация, и директор отдела не мог допустить, чтобы его сотрудники прокалывались на мелочах. Дабы этой самой репутацией не рисковать.

Несколько дней спустя его перевели в бостонский филиал. Многие однокурсники завидовали его назначению, но для Бролена это означало еще несколько лет заниматься вовсе не тем, к чему он шел на протяжении предыдущих долгих восьми лет учебы. Это стало для него полным крахом иллюзий.

За время обучения у Бролена сложились дружеские отношения с Джоном Рисселом, преподавателем судебной психиатрии. Тот был отзывчивым человеком и отличался широтой взглядов. Общение с Рисселом стало для Бролена своеобразной «стартовой площадкой». Старший товарищ постоянно твердил Джошуа, что тот обладает настоящим даром разбираться в особенностях поведения преступников, и уговаривал не торопиться. Но видя, насколько упрям Бролен, Риссел капитулировал. И тогда он посоветовал ученику сменить место службы и поступить в полицию. Там требовались люди, подобные Бролену; его, возможно, отправили бы «в поля» – собирать улики; поступив на службу в какое-нибудь управление полиции, он очень быстро стал бы получать задания составить психологический портрет преступника – то есть стал бы расти как профайлер быстрее, чем в ФБР. Риссел настаивал, что Бролену нужно постоянное место работы, где его окружали бы одни и те же надежные люди, и где он смог бы двигаться вверх по служебной лестнице, руководствуясь желанием глубже вникать в детали происходящего. Риссел посоветовал ему осесть в каком-нибудь большом городе, оставив позерство, присущее любому агенту ФБР. Он считал, что Бролену, быть может, лучше отправиться туда, где он принесет больше пользы и станет профессионалом.

Так и получилось, что, имея диплом психолога и криминалиста ФБР, Бролен вернулся в родной Портленд и спустя шесть месяцев занял должность обычного полицейского инспектора. В течение почти всего следующего года на него вешали пустяковые дела, но, видя, насколько хорошо он умеет разбираться в поведении преступников, начальство быстро прониклось к нему уважением и стало поручать Бролену наиболее интересные дела.

Теперь он старался не вспоминать о своем прошлом в Бюро, внушая себе, что для него годы учебы там стали периодом отличного профессионального роста, несмотря на то, что за ними последовало его самое большое разочарование в жизни.

В таком городе, как Портленд, быть «экс-федералом» означало иметь дурную репутацию человека, обладающего непомерными амбициями. Копы видели в Бролене молодого волка с длинными клыками – на самом деле, это было далеко от истины; впрочем, никто из них, за исключением, пожалуй, Салиндро, не попытался его понять.

... – Парни из лаборатории еще не установили ее личность, да? – спросил Бролен, не поднимая головы от бумаг.

– Да! И, учитывая, в каком состоянии ее обнаружили, это будет непросто! Ее же всю раздуло от газов, а цвет ее кожи...

Будучи почти на двадцать лет моложе своего коллеги, Бролен тем не менее прервал его жестом руки:

– Ларри, я был там, когда ее нашли. Отчего она умерла?

– От недостатка воздуха.

– Она утонула, ты это хочешь сказать? – поправил его Бролен.

– Нет, я хочу сказать, что она умерла, потому что в ее легкие не поступал воздух. Она задохнулась из-за пиявок.

На сей раз Бролен уставился на Салиндро поверх очков.

– В смысле?

– Понимаю, это странно, но тут так написано.

Салиндро принялся листать страницы с фотографиями, ища нужное место.

– Вот, смотри, цитирую: «...необъяснимое наличие шести пиявок в дыхательных путях, приведшее к перегрузке правого желудочка, стало причиной остановки сердца. Шесть инородных предметов обнаружены в различных местах, в пищеводе, в гортани и в области надгортанника. Образцы были переданы гирудисту для более детального изучения. Повреждения рта, зубов и языка, определенные патологоанатомами, как полученные ante mortem, свидетельствуют, что инородные тела были введены в горло жертвы до того, как она умерла. Предположительно, пиявки спустились в область гортани, чтобы напиться крови. Несмотря на то, что определенная степень разложения тела не позволяет сделать некоторые выводы, наличие на нем гематом, кровоподтеков и других признаков повреждения кожных покровов и слизистых оболочек ясно свидетельствует о том, что жертва защищалась. Внешние и внутренние следы у основания челюсти, равно как и различные повреждения в ротовой полости, позволяют предположить, что жертву заставили открыть рот, а затем поместили туда пиявок. Патологоанатомическая экспертиза поможет установить, присутствует ли вода в легких, то есть была ли жертва утоплена или брошена в реку уже post mortem. Напившись крови, эти твари стали раздуваться и мешали ей дышать до тех пор, пока она не умерла от асфиксии. Видишь, в отчете все есть.

Салиндро хлопнул папкой по столу.

– Ладно, мы имеем дело с каким-то отморозком, которому нравится засовывать людям в горло пиявок, но вот что меня интересует гораздо больше: тот ли это человек, которого мы ищем? – возразил Бролен, нервничая. – Что скажешь по поводу следа у нее на лбу? Есть что-то новое?

Усевшись напротив молодого инспектора, Салиндро оперся подбородком на руки и принялся разглядывать небо за окном.

– Да, давай вернемся к этой детали, она тебя заинтересует, – бросил он.

Позавчера Бролена вызвали на берег реки Туалатин, где выловили тело женщины. Почти сразу же судмедэксперт обнаружил на лбу утопленницы странный след. Длительное пребыва-

ние тела в воде помешало установить, откуда он взялся, и потому оказавшийся на месте происшествия полицейский инспектор сразу же позвонил Джошуа Бролену и попросил его приехать.

За последних два месяца это оказался уже третий труп женщины, все – с внешними признаками насилия.

Первой жертве было двадцать два; она работала официанткой и возвращалась домой, когда на нее напали. Ее тело случайно обнаружили рыбаки в местном пруду, оно плавало на спине. Девушке отрезали руки по самые предплечья.

Прежде, чем она умерла.

Когда с ней это проделывали, она была еще жива. По непонятной причине ей выжгли часть лба, отчего на коже осталась большая отметина, по форме напоминающая звезду. Хотя рана и не была слишком глубокой, она выглядела отвратительно, весь лоб напоминал разверстый кратер вулкана. Из-за плохого состояния тела причину появления этой раны установить не удалось. «Возможно, кислота», – предположил судмедэксперт. Труп слишком долго находился в воде, чтобы можно было сделать более точные выводы.

Вторая жертва оказалась двадцатитрехлетней студенткой художественной школы. Похищенная со стоянки возле ночного клуба, она была тоже найдена в водах Туалатин. У нее также отсутствовали руки, а на лбу оказался похожий ожог. Более глубокий, чем предыдущий, и спускавшийся на всю верхнюю половину лица. Было установлено, что на обоих телах присутствуют многочисленные увечья, и хотя длительное пребывание в воде не позволяло сделать точное заключение, возможно, речь шла и о сексуальном насилии. Смерть женщин наступила от многочисленных ударов и кровотечений – об этом свидетельствовало состояние обоих трупов.

Стало понятно, что цепочка преступлений на этом не закончится. Решительность и жестокость, необходимые для того, чтобы отрезать жертвам руки и затем убивать их, позволяли предположить, что убийца – опасный психопат, постоянно пребывающий в поисках новой жертвы.

В годы учебы в академии Бролену встречались подобные дела, он умел составлять психологический портрет убийцы по немногочисленным деталям и уликам, и уж точно никто лучше него в полиции Портленда не разбирался в мотивах поведения «серийников». Потому, когда два дня назад детектив Эшли оказался на берегу реки, из которой в это время как раз вытаскивали девушку с отметиной на лбу, он, несмотря на то, что ее руки были целы, тут же вызвал на место преступления Бролена, официально отвечавшего за расследование.

Как правило, серийным убийцам дают прозвища. На сей раз нечто подобное пришло в голову одному из коллег Бролена. Учитывая увечья и повреждения, наносимые убийцей своим жертвам, его прозвали Портлендским палачом. Произошла утечка информации, и пресса с удовольствием приписала изобретение этого прозвища себе.

И вот теперь Бролен ждал подтверждения тому, о чем уже догадывался: ожог на лбу женщины оставила кислота.

Салиндро торжественно продолжил:

– Тот же самый след, что и у двух предыдущих девушек. Вскрытие показало, что ей нанесли на лоб большое количество какого-то химического вещества. И опять-таки длительное пребывание тела в воде не позволяет сказать, какое это было вещество, но весьма вероятно – кислота. То же подобие ритуала, что и в двух первых случаях.

В отличие от своего коллеги и друга Джошуа Бролена Салиндро никогда не учился в Квантико на профайлера. Однако годы, проведенные в контакте с полицейскими психологами и криминалистами, а также чтение различных отчетов дали ему достаточно, чтобы он мог иметь свои суждения относительно деталей очередного преступления.

Бролен кивнул.

– Это точно наш парень, – прошептал он очень серьезно. – Характер действий преступника на сей раз отличается, но отметина идентичная. Он заставлял жертву страдать, ему

необходимо было внушить ей ужас. А затем сжечь лоб жертвы кислотой, – добавил он почти неслышно.

Грустно вздохнув, словно сгибаясь под тяжестью какого-то невероятного груза, инспектор снял очки. Нужно было отыскать нечто общее во всех трех преступлениях. Почему убийца отрезал руки первым двум жертвам и не сделал это с третьей? И почему кислота на лбу?

Бролен помассировал виски и принялся размышлять. Он легко погрузился в процесс перевоплощения, сопоставляя имевшиеся в его распоряжении факты.

Серийный убийца никогда ничего не делает случайно: самое сложное – разобраться, что означает тот или иной его жест и как он связан с его фантазиями, думал инспектор. Может быть, он – фетишист и считает руки своего рода трофеем, но почему именно руки? И как он выбирает жертв: случайно или руководствуясь конкретными признаками?

Все жертвы – молодые женщины, относящиеся к так называемой группе «минимального риска», поскольку они довольно спортивные и, следовательно, могли постоять за себя; кроме того, они не посещают сомнительные места и, скорее всего, не знакомятся со случайными людьми. Значит, убийца должен обладать определенной дерзостью, похищая их; он высоко задирает собственную планку, для него это – своего рода соревнование. Ведь каждый раз его могли бы видеть, жертва вполне была способна защищаться и привлечь внимание прохожих. Однако ничего подобного не происходило. Он проделывал все очень быстро.

Значит, они имели дело с расчетливым, преследующим конкретные цели убийцей с явными замашками садиста.

Бролен легко представил себе, как тот вступает в беседу со своими жертвами, потом начинает их запугивать, а затем медленно насилует. «Возможно даже, это – красивый, харизматичный мужчина, похожий на Теда Банди», – подумал Бролен. И когда внутри него побеждают разрушительные импульсы, он становится монстром, жаждущим подавлять, и для этого он наводит на жертву ужас. Сексуальное желание рождается в нем медленно, мягко, овладевает им постепенно. Потом он видит на улице или по телевизору молодую женщину, это еще больше распаляет его, и он возбуждается. И тогда он выходит на охоту. Может быть, он не сразу находит ту, которую ищет, и продолжает свои поиски несколько дней подряд. Иногда желание в нем утихает, и он возвращается к своему привычному, спокойному существованию, но бывает и так, что желание только растет по мере того, как он понимает: женщины для него недоступны. И вот желание уже превращается в ненависть, он начинает ненавидеть их всех. Они дорого ему заплатят. Всем этим телкам, которых он встречает всюду – на улицах, в магазинах или видит по телику, он совершенно безразличен, он не может делать с ними то, что хочет. Чем дольше он ждет, тем сильнее разрастается его ненависть. И вдруг ему везет: женщина, за которой он давно следил, – интересно, всегда ли он выбирал для этого одни и те же места? – оказывается в пределах досягаемости. Возбуждение сразу же захлестывает его. Он предвкушает, как овладеет ею, а потом... потом она будет безраздельно принадлежать ему. Он похищает ее и увозит подальше, чтобы чувствовать себя в безопасности; возможно, у него где-нибудь есть логово, в котором он и творит свои зверства. Сначала он забавляется тем, что терроризирует ее, стараясь сдерживать переполняющую его ненависть. Он запугивает жертву, упиваясь страхом, который внушает ей, насилует ее, вероятно, издеваясь над ней и заодно нанося ей несколько ударов. Затем волны ненависти выплескиваются наружу, и он вступает в фазу наивысшего проявления жестокости. Он принимается иступленно, уже не сдерживаясь, бить жертву – вот откуда эти следы на теле.

Жертва умирает.

И он кончает в нее.

– ...Ладно, мне пора вернуться к делам, пока меня не прищучил капитан Чемберлен, – сказал Салиндро, вставая.

Вырванный из череды мыслей, Бролен лишь рассеянно кивнул:

– Буду держать тебя в курсе.

Прежде чем выйти, Салиндро застегнул свой тяжелый ремень.

Оставшись один, Бролен в течение нескольких секунд смотрел в окно на высотные здания в центре города, а затем взялся за отчет о вскрытии.

3

Джульет с трудом сглотнула, горло и голова ужасно болели. Несколько минутами раньше она полностью пришла в сознание. Ее охватила паника. Сначала она дрожала от страха, на глаза наворачивались слезы. Потом она постепенно стала разбирать, где находится, и ее стойкий характер потребовал: надо успокоиться. Она не могла ничего двигаться: лодыжки и руки за спиной были крепко связаны, и это причиняло ей боль. По крайней мере, напавший не собирался ее убивать, если до сих пор этого не сделал. Зачем ему ждать? Однако внутренний голос нашептывал ей: хватит строить иллюзии, пора побыстрее переключиться на поиск возможностей спастись. Впрочем, легче сказать, чем сделать это. Лежавшая на холодном сыром полу, в темноте, связанная крепкой веревкой, она чувствовала, что находится на грани помешательства.

Джульет повернула голову, огляделась вокруг, стараясь, чтобы от ее внимания не ускользнула ни одна деталь. В янтарном свете пламени по стенам плясали угрожающие тени. Пол в комнате три на четыре метра был земляной, местами неровный, как будто его пытались копать каким-то предметом, мало пригодным для этой цели.

«Словно землю пытались взрыхлить ногами! – подумала она. И тут же добавила: – О, нет! Пусть это будет не так!»

Но воображение уже рисовало ей другую пленницу, дрожащую, почти сходящую с ума от ужаса, пытающуюся вырыть яму под деревянной стеной. Джульет резко тряхнула головой, стараясь прогнать эту мысль, и тут же испытала сильнейшее головокружение – последствие воздействия паров хлороформа. Она медленно выдохнула, потом немного успокоилась и почувствовала, что боль стихает.

«Лучше сосредоточься на том, что вокруг, – давай, постарайся разглядеть все, что сможешь» – скомандовала она себе.

Черные стены были сложены из бревен, как будто Джульет попала в шале или лесную хижину. В комнате не было совершенно никакой мебели, и только в углу, отбрасывая немного света, горела маленькая свеча.

Джульет вздрогнула. Было холодно. Она не знала, который час, любые намеки на время здесь отсутствовали. Может быть, все еще ночь? Возможно, ведь ни один луч света не проникал сквозь бревна. Вдруг ее поразила одна мысль. Она попыталась перекатиться на спину, чтобы получше осмотреть все вокруг, и тогда ее опасение переросло в глухой ужас.

Тут не было никакой двери.

Ни окна, никакого другого намека на то, как она сюда попала. Комната была наглухо закрытой, похожей на большой гроб.

«Только не кричать, ни в коем случае не кричать», – повторяла Джульет про себя, однако этот внутренний голос дрожал, еще чуть-чуть – и с ней случится истерика. Если ее похититель не стал затыкать ей рот, значит, он был уверен: ему нечего бояться. Стало быть, она находилась в каком-то уединенном месте, иначе бы, связав ей запястья, он вставил бы ей кляп. Джульет чувствовала, что ей становится тяжело дышать, ее охватило противное оцепенение, и она из последних сил боролась с подкрадывающейся паникой. Еще несколько часов назад они спокойно болтали, сидя с Камелией, пили пиво и вино, смеялись, а теперь она заперта вдали от всего мира, и ей остается надеяться только на милость неизвестного похитителя. Она начала отчаиваться.

Никто, и в первую очередь сама Джульет, не знал, где она находится. Она оказалась здесь, лишенная малейшего шанса защищаться, благодаря странному стечению обстоятельств. Джульет вспомнила, как беззаботно шла по темной улице, а уже секунду спустя потеряла сознание от удущья и очнулась в подземной тюрьме. Ее жизнь внезапно превратилась в кошмар.

По непонятной причине ее вырвали из привычного существования и заперли в гробу. К охватившему ее страху где-то в глубине души стало примешиваться чувство несправедливости. От подобного никто не застрахован, это может случиться с каждым где угодно, и, даже не предполагая, что ты можешь встретить на дороге какого-нибудь психа, ты имеешь все шансы попасть в подобное ужасное положение.

Джульет почувствовала, как ее лицо скривилось, на глаза навернулись слезы. Она надолго забылась плачем.

Затем, ощутив внезапный приступ ярости, девушка вскрикнула и рывком села. Потом, справившись с гневом и рыданиями, Джульет принялась внимательно оглядываться. В трех метрах справа от себя она увидела в земле дыру, ведущую куда-то под стену. Сдерживая слезы, она поползла к этому углублению. Пламя свечи слабо освещало эту часть комнаты, и ей пришлось лечь на землю, согнувшись в три погибели, чтобы осмотреть яму. Диаметр та была чуть больше баскетбольного мяча и напоминала начало подземного хода. Длинные параллельные бороздки на земле возле ямы вызвали у Джульет дрожь. Она сразу же представила себе женщину, в панике роющую землю, не обращая внимания на сломанные ногти.

Быть может, просунув голову внутрь, она сможет увидеть, что там, с той стороны? По крайней мере, понять, где она находится. Однако со связанными руками и ногами просто свеситься вниз означало одно: она не сможет вылезти наружу и останется висеть вниз головой. Но рискнуть стоило.

Извиваясь, словно гусеница, Джульет поползла вниз, в темный проход под стеной. Она принялась ерзать, стараясь перевернуться на спину и высунуть голову с той стороны. Макушка уперлась в камень.

С той стороны ничего не было.

Джульет задрожала, поняв очевидное: в ее тюрьме нет ни двери, ни окон, а стены обложены мощными камнями! Она оказалась в подземелье, в мире мертвых.

Ее снова охватил страх.

Комнату заполнил скрип. Словно наверху открыли крышку люка.

«Ну конечно! Потолок!» – закричала Джульет про себя. Полумрак скрывал эту часть комнаты, и она не могла различить детали. Мысль, что из комнаты есть выход, обрадовала ее, значит, она не полностью отрезана от окружающего мира, с ним есть связь, дающая возможность убежать. Но радость ее была недолгой. Она услышала над собой шорох одежды, и ее вновь охватила паника. Застрав вниз головой в узкой дыре, она не могла видеть того, что происходит в комнате, а ее похититель уже был здесь, рядом, возможно, наслаждаясь тем, как она пытается выползти из ямы обратно.

Подобно погребальному звону, сверху раздался похотливый голос:

– Пришло наше время, дорогая.

Рванувшись, Джульет еще раз попыталась выбраться из дыры, ее охватил приступ безумной паники, на глаза навернулись слезы, и покрывало ужаса затуманило ее взор, подобно смерчу, разрушающему все на своем пути.

* * *

Чтобы бросить курить, Джошуа Бролен стал пить чай.

Возможно, ему надо было бы действовать тайком, потому что, видя, как он глотает горячую ароматизированную воду, многие начали за него беспокоиться. Летом – двумя месяцами ранее – он выбросил последнюю пачку «Winston», дав себе слово завязать навсегда. Первые дни были болезненными в прямом смысле этого слова, и Бролен спрашивал себя, так ли уж вредно курить, по сравнению с тем, что он чувствует теперь: ему казалось, что его легкие пылают, в них как будто происходит самая настоящая «ломка». Однако он быстро обнаружил, что ему не

хватает не самих сигарет, а скорее привычных жестов курильщика. Нужно было чем-то занять свободную руку. Лишенная излюбленных жестов рука, казалось, весила целую тонну. Одно лишь воспоминание о том, как прежде он пил кофе, одновременно выкуривая сигарету, чередуя затяжку с глотком кофеина, вызывало у него сильнейший стресс. В свои тридцать Бролен обнаружил, что не выносит вкуса кофе отдельно от вкуса никотина. И, дабы избавиться от регулярных доз табачного дыма, он заменил традиционный капучино на чай. Предпочитая всем остальным ароматизированный, с лесными ягодами, хотя такой сложнее всего было найти – из всех фруктовых вкусов этот оказался наиболее редким.

Инспектор сделал глоток горячего чая и поставил кружку на картонную папку с отчетом о вскрытии.

Его взгляд остановился на одной из фотографий, сделанных прежде, чем тело увезли с места происшествия. При взгляде на него почти невозможно было догадаться, что оно принадлежит молодой женщине, настолько лицо это изменилось, пока находилось в воде. Оно раздулось, кожа стала коричнево-зеленой, веки были величиной с техасский орех, а распухшие губы, казалось, застыли в последнем поцелуе. Живущие в воде хищники тоже постарались, испещрив вспухшую кожу многочисленными красными надрезами. Тело вытащили из воды более двух часов назад, но возле ноздрей и на губах не было заметно ни малейших следов коричневатой пенной слизи. Бролен понимал, что это означает – поскольку было известно по другим делам, которые расследовало ФБР. Присутствие слизи, состоящей из частиц воздуха, воды и бронхиальных выделений, образующихся, пока человек пытается дышать под водой, служит явным свидетельством того, что смерть наступила в результате утопления. Однако у этой жертвы подобной слизи не было.

Пиявки.

Итак, она умерла не от ран. Не только от них. Убийца изменил способ действия.

Но больше всего Бролена заинтриговал размытый рисунок, оставленный на лбу кислотой. Кислотой или чем-то подобным – едким веществом типа щелочи или извести.

«Какого хрена он это делает? – спрашивал себя молодой инспектор. – Почему он пытается сжечь лоб своих жертв? Часть ритуала? Возможно, он забирает руки, как трофей, используя их потом в своих низменных целях: смотрит на них, может быть, даже гладит ими себя, трогает везде, чтобы заставить кого-то другого доставлять себе удовольствие. Очень может быть, но тогда почему он не отрезал руки последней жертве? Чем она отличается от двух первых?»

Вероятно, последняя жертва была не такой, как предыдущие. Он не запытал ее до смерти, а заставил медленно задыхаться, что тоже было не самым завидным из возможных финалов. Бролен поднял чашку над столом, прикидывая, остался ли в ней чай. Чашка была пуста. «Как моя голова теперь», – подумал он, ища взглядом чайник.

В расследовании участвовали десять человек: техники из лаборатории, судмедэксперт, работавший с телами в поисках малейшей зацепки, и четыре полицейских инспектора, в обязанности которых входило собрать максимум информации о жертвах. И все же они до сих пор так и не вышли на след подозреваемого. Бролен распорядился проверить все психиатрические больницы штата, но ни один из пациентов, побывавших там за последний год, не соответствовал портрету предполагаемого убийцы. В любом случае это была призрачная мера, рассчитанная более на то, чтобы успокоить начальство, нежели действительно вычислить настоящего преступника.

Взяв небольшое количество спермы из влагалища первой жертвы, следователи располагали теперь образцом генотипа убийцы. Но сравнение с другими образцами, хранившимися в базе данных, не дало никакого результата: тот, кто их интересовал, там не значился.

Бролен обнаружил чайник на заваленной папками этажерке и встал, чтобы снова налить себе чаю, который принялся пить маленькими глотками.

В течение двух лет, проведенных в ФБР, он научился составлять психологический портрет убийцы, анализируя детали, оставленные на месте преступления. Но основные трудности в применении этого «искусства» возникали, если тело извлекали из воды после длительного пребывания в ней. Прежде всего невозможно сделать никаких выводов, опираясь на первоначальное положение тела, и главное, невозможно осмотреть место, где действовал убийца, прежде чем он избавился от трупа. Течение могло отнести тело на несколько километров вниз. Кроме того, пребывание в воде уничтожает почти все отпечатки: смывает любые следы спермы, крови, волосы, принадлежащие преступнику... Но по крайней мере, подобный способ совершения убийства свидетельствует об определенной хитрости и расчетливости преступника, знающего, что малейшая улика может способствовать его поимке. Значит, этот был опытным и просчитывал все свои шаги.

Бролен подошел к покрытой записями черной доске: он делал их, составляя портрет убийцы. Быстро просмотрев все ключевые моменты, касающиеся тройного убийства, он принялся вслух перечислять сделанные выводы:

– Убийца – белый мужчина, потому что серийные убийцы, за редким исключением, выбирают жертв той же расы, что и они сами. Его жестокость свидетельствует о том, что он длительное время пребывает во власти собственных фантазий и научился с ними справляться, что он готов рисковать, оставаясь незамеченным. Более того, он умеет подчинять себе жертв и разбираться в их психологии. И самое худшее – многочисленные гематомы и повреждения в области плеч свидетельствуют о том, что жертвы сопротивлялись, значит, он действовал жестоко, и я склонен думать, что он избивает их, пока насилует, это идеально соответствовало бы его профилю. Значит, речь идет о человеке достаточно взрослом, умеющем до определенного момента управлять своими импульсами. Однако жестокость, с которой он действует, доказывает: он годами копил в себе бешенство и ненависть. Несмотря на это, его нет в базе данных.

Как только ему поручили это дело, Бролен отправил данные по двум убийствам в фэб-ээровскую базу ViCAP. В ней хранились детали и описания всех насильственных преступлений, совершенных на территории любого полицейского участка в США; программа работала по принципу сопоставления. Например, если в Иллинойсе два года назад свирепствовал, отрубая своим жертвам руки, какой-либо убийца, ViCAP тут же выдала бы Бролену соответствующую информацию, и он смог бы проследить путь серийного убийцы из одного штата в другой. Однако в базе данных не было ни малейших следов потенциального «отрубателя рук». Бролен обозначил на доске возрастные ограничения. Двадцать три – двадцать четыре года.

«Да, – пришел к выводу инспектор, – все-таки ему от двадцати трех до двадцати пяти. У него было время прикинуть в голове все нюансы будущих преступлений, но дольше сдерживаться он не мог. Он хорошо развит физически, поскольку справляется с женщинами спортивного типа. Все они – жертвы из группы «минимального риска» – их внешность, род занятий и окружение не являются источниками опасности, ни одна из них, например, не занималась проституцией. Но они были похищены в самых многолюдных местах – одна на оживленной улице дорогого квартала, другая на переполненной стоянке возле шикарного ночного клуба. И, однако, никаких свидетелей. Этот тип рискует, играет. Он невероятно самоуверен, внутренне организован, подолгу готовится к похищениям. Он испытывает огромный стресс, но жертвы настолько ему доверяются, что он считает себя неуловимым. Со временем он станет все рисковать все больше и больше, начнет совершать ошибки. Но сколько еще жертв должно появиться прежде, чем это случится? Выбор жертвы из группы «минимального риска» в обстановке, ни малейшего риска не предполагающей, тоже говорит о его определенной зрелости. Он не подчиняется самому первому импульсу, потому очень долго испытывает еле сдерживаемое возбуждение, невероятное возбуждение от ситуации, но тем не менее сохраняет хладнокровие. Для него главное – приближение к жертве, фаза соблазнения – вот что для него самое приятное.

Он должен общаться с жертвой, возможно, кадрить ее, прекрасно представляя себе, что уже очень скоро сделает с ней. Именно так он пытается проверить на ней степень своего влияния».

Инспектор записал в блокнот: «25 лет, плюс-минус».

Все возможные детали следствия тщательно проверялись, и, по совету Бролена, персонал ночного клуба и его завсегдатаев допрашивали бесконечно долго и очень тщательно. Однако выяснить не удалось ничего.

Где-то вдали, в другом кабинете, какой-то тип, перейдя на крик, настаивал на своей невинности. Бролен допил чай и снова уселся за стол.

«Руку даю на отсечение, этот говнюк получает невероятное удовольствие, соблазняя своих жертв или как минимум пытаюсь разговорить их. Стоит сюда добавить и тот факт, что он убивает, не придерживаясь каких-то одинаковых промежутков времени между убийствами: от первого до второго прошло пять недель, а от второго до третьего – только две. Он ускорился, промежуток между преступлениями становится короче». – От этой мысли Бролена охватило болезненное чувство. Он понимал, что это еще ничего не значит: серийные убийцы могут совершать преступления через короткий промежуток, а потом долго «отдыхать». Однако некоторые из них, охваченные неудержимым желанием сеять смерть, начинают делать это все чаще и чаще, до тех пор, пока дело не заканчивается их арестом или гибелью. Все, на что надеялся инспектор, – выгадать максимум времени, дабы все тщательно взвесить, обдумать. Время было необходимо, чтобы внимательно изучить малейшие детали и помешать этому чокнутому снова совершить непоправимое.

А еще манера избавляться от тел, бросая их в воду...

«Эта сволочь знает, что на него охотятся, очень хорошо знает и не хочет быть арестованным, он желает продолжать еще и еще, нападать вновь, ему это необходимо».

Бролен резко дернул головой, подавляя в себе растущий гнев.

Он просматривал фотографии последней жертвы, когда зазвонил телефон.

– Инспектор Бролен, – сказал Бролен, поднимая трубку.

– Джошуа, это Карл. У меня есть новости, касающиеся результатов патологоанатомической экспертизы.

Карл Диместро работал в судебной лаборатории, временно располагавшейся в большом здании Отдела биологических исследований, в сотрудничестве с командой судмедэкспертов.

– Личность жертвы установили? – спросил Бролен, сгорая от нетерпения.

– Нет, но мы над этим работаем, изучаем ее зубы. Зато у меня кое-что для тебя есть, я нашел в ее тканях частицы диатомей.

– Частицы чего? – переспросил Бролен, пытаясь освежить в памяти прослушанный в Квантико курс криминалистики.

– Диатомей. Это содержащие кремнезем микроскопические водоросли, которые обитают в любых источниках воды, как пресной, так и соленой. У нее в легких была вода, но это ни о чем не говорит, однако микроанализ выявил наличие диатомей в легких, печени и сердце. Это означает, что она вдохнула воду перед смертью. То есть она, очевидно, умерла, задохнувшись из-за пива, но убийца решил ускорить события, окунув ее голову в воду – то есть она и задохнулась, и захлебнулась почти одновременно. В любом случае, можно не сомневаться: это – вода не из-под крана, а из какого-то естественного водоема, со своей флорой и фауной.

Бролен ждал продолжения – чего-то, что позволит выйти на след убийцы. То, о чем говорил Диместро, было лишь свидетельством пыток ante mortem, варварским поступком, своеобразной визитной карточкой Портлендского палача.

Немного разочарованный, Бролен довольствовался тем, что молча выслушал все сказанное.

– Но это еще не все, – вдруг продолжил доктор Диместро, – водоросли могут дать нам и другую очень интересную информацию.

Бролен относился к Карлу Диместро, умевшему радоваться любой микроскопической детали, с некоторым подозрением, потому что эта деталь вообще могла быть абсолютно никак не связана с расследованием.

– Необходимо знать, что диатомеи обладают оригинальным строением, различающимся в зависимости от места их обитания.

– Так-так, подожди, – прервал его Бролен, – ты хочешь сказать, что сможешь установить, является ли найденная в легких жертвы вода той самой, в которой ее нашли?

– Точно, именно благодаря исследованию диатомей. В нашем случае диатомеи, обнаруженные в тканях жертвы, не похожи на тех, которые обитают в том месте, где было обнаружено тело. Можешь быть уверен: жертва утонула не там, где ее нашли. Более того, могу тебя уверить на семьдесят процентов, что она вдохнула не воду Туалатин – диатомеи, найденные у нее внутри, имеют строение, совершенно отличное от строения речных водорослей.

Карл Диместро говорил хорошо поставленным голосом, в котором, тем не менее, сквозила огромная усталость.

– Скажи, если взять пробы воды из большинства рек и озер в окрестностях Туалатин, мы смогли бы установить точное место, где ее утопили?

Ни секунды не раздумывая, доктор ответил утвердительно. Тон его голоса изменился, теперь он стал еще более уверенным.

– Вместе с моим ассистентом Питером мы побывали на юге Портленда, стараясь взять максимум образцов воды из всех озер, прудов и рек, расположенных на удалении в тридцать километров от реки Туалатин. Сравнение диатомей дало положительный результат. Я нашел воду, которую она вдохнула. Это вода из небольшого прудика на юго-востоке Стаффорда.

Бролен молчал. Вначале разочаровавшись, теперь он был просто ошеломлен. Кропотливая работа двух человек из лаборатории в самые краткие сроки дала результат.

– Но... это точно? – пробормотал он.

– Примерно на девяносто пять процентов.

– Это гениально, Карл, отличная работа, правда! – воскликнул Бролен. – Теперь попробуй немного отдохнуть, ты это заслужил.

– Действительно, я не спал всю ночь. Вчера мы весь день исследовали имеющиеся у нас образцы, а потом стали сравнивать их и закончили только сегодня в полдень. Мы могли запросто упустить из вида этот пруд. Это место в лесу, крошечное пятно на карте района. Я готовлю для тебя полный отчет и включу в него все свои выводы.

– Поспи несколько часов, отчет может подождать до завтра. Только скажи, как называется этот пруд, я бы хотел как можно скорее на него взглянуть.

Еще раз поблагодарив Карла Диместро за отличную работу, Бролен положил трубку. Он размышлял так быстро, как только мог, сопоставляя свои знания из области криминалистики с тем, что услышал сейчас.

Тело было перевезено из одного места в другое, это объясняло отсутствие пенной слизи на губах жертвы: речная вода смыла ее.

«Никто не станет бесцельно перевозить труп. Убийца делает это по какой-то веской причине. Если он утопил женщину подальше от случайных свидетелей, зачем он взял на себя риск перевозить тело на расстояние в несколько километров, чтобы бросить его в другой водоем? Почему не оставил его в пруду среди деревьев, где никто в течение долгого времени его бы не обнаружил?

Потому что между прудом и убийцей есть связь! Это место имеет какое-то непосредственное отношение к тому, кого мы ищем».

Этот след однозначно требовал проверки.

Джошуа Бролен встал, взял куртку и набрал четыре цифры коммутатора Криминального отдела. В трубке раздался женский голос.

– Кэти, это инспектор Бролен, предупредите, пожалуйста, шерифа округа Клакамас, что я скоро к нему заеду, попросите его, чтобы на въезде в Стаффорд меня ждала машина. Спасибо, Кэти.

Итак, он вышел на след, который след вел «в поля» – как раз этого Бролену и не хватало в ФБР. Может быть, однажды он начнет считать свою неудачу в Бюро лучшим, что могло с ним случиться.

Значит, они продвинулись вперед; этот успех заставил выходявшего из кабинета Бролена испытать возбуждение. Он чувствовал, что находится на правильном пути, и ощущение, что вот-вот должно произойти нечто важное, подогревало его.

Он даже не мог представить, как будут развиваться события.

Ужас медленно подползал все ближе.

* * *

В панике Джульет делала лихорадочные движения, пытаясь толчками как можно скорее вытащить себя из дыры, в которой она застряла. За ее спиной что-то происходило.

Через несколько секунд она все же сумела вытащить голову из темного отверстия. Сразу же перевернувшись, она увидела высокую фигуру человека, разглядывавшего ее. Отсутствие света не позволяло рассмотреть черты его лица, но она прямо-таки ощущала устремленный на нее взгляд.

– Обычно я выбираю их не так, – медленно и уверенно произнес человек.

Джульет не шевелилась, скованная страхом, она даже не думала о попытке бегства.

– Но моя последняя подруга, побывавшая здесь, оказалась не совсем чистой. – Он произнес слово «подруга» так, словно речь шла о чем-то важном. – Да, я прекрасно знаю, это моя ошибка. Мне не следовало кадрить женщин где попало. А уж соблазняя девушку на стоянке у ночного клуба, смешно было ожидать, что она окажется пайнкой. Надо было подумать заранее.

Впервые с того момента, как этот человек спустился к ней в подвал, Джульет рискнула отвести от него взгляд и заметила позади незнакомца какой-то вытянутый предмет. Двухметровая лестница, опущенная в люк!

– С тобой все будет по-другому, ты ведь это знаешь. Мы давно знакомы, и я не сомневаюсь, ты – девушка порядочная.

Джульет почувствовала в горле комок, но все же попыталась что-то ответить. Ей надо выиграть время, у парня совершенно съехала крыша, и в глубине души Джульет понимала, что нельзя дать возможность психу вести монолог. Медленно, с трудом подбирая слова, она заговорила хриплым голосом:

– Что... вам... надо?..

Силуэт резко выпрямился, словно незнакомец удивился, что она еще способна произносить хоть какие-то слова.

– Ну, ты же отлично знаешь, – ответил он, помолчав несколько секунд, – я тебе уже писал в Интернете, что хочу открыть тебя.

Джульет вздрогнула. В ее голове пронеслись десятки мыслей, образов и догадок, а потом возникло имя.

Оберон.

– Ты не всегда была милой, когда общалась со мной, – произнес он тоном наставника, – но мы можем это исправить. – Он медленно приблизился. Джульет отпрянула к стене. – Нет-нет-нет, – торжественно покачивая головой, сказал незнакомец. – Чтобы я был с тобой ласков, тебе нужно быть мудрее. Иначе мне придется тебя наказать.

Его голос напоминал голос того человека, который предложил подвезти ее, когда она вышла из дома Камелии. Но тогда он старался выглядеть соблазнительно, а сейчас им владели жестокость и безумие. Не было никакого сомнения, это один и тот же человек. То же атлетическое телосложение, тембр голоса.

Он наклонился и взял Джульет за плечи. Она почувствовала, как в ноздри ей ударил запах средства после бритья.

– Позволь-ка, я не причиню тебе никакой боли.

Через мгновение похититель поднял ее и потащил к лестнице. Джульет попыталась сопротивляться, но что-то в голосе психа парализовало все ее усилия. Словно в его интонациях, если она не будет повиноваться, сквозило обещание бесконечных страданий. Находившийся рядом с ней человек не шутил. Он не был похож на простого преступника, стремящегося получить деньги в обмен на заложника. Здесь было что-то другое, более мрачное, скрытое желание причинять боль. Джульет из всех сил старалась не дать страху овладеть собой, она во что бы то ни стало должна найти способ выиграть время. Что-то сказать или сделать.

Незнакомец положил ее у подножия лестницы.

– Не двигайся.

Он поднялся наверх и спустил оттуда трос с крюком на конце, закрепленный на лебедке. Металлический крюк блеснул в пламени свечи.

– Что вы собираетесь со мной делать? – осторожно спросила Джульет, не сумев скрыть страх, отчего ее голос задрожал.

Мучитель ответил не сразу, сначала размотал трос. Потом зацепил крюк за веревки, связывавшие Джульет. Приспособление, которым он пользовался, было хорошо смазано, тщательно отлажено, и Джульет даже показалось, что она находится на конвейере какого-то завода. Незнакомец словно разыгрывал тысячу раз отрепетированную сцену. В жестах мучителя сквозило спокойствие, подземелье было заботливо подготовлено к спектаклю, лебедка и крюк работали идеально.

«Как будто он делает это постоянно», – подумала Джульет, чувствуя, как ее накрывает волна ужаса. Девушка учащенно задышала.

Закончив прилаживать крюк за ее спиной, незнакомец обжег ее шею своим дыханием, и Джульет услышала его слова:

– Сейчас я покажу тебе, как сильно я тебя люблю...

Она ясно почувствовала, что погружается в бесконечный кошмар. И догадалась, что никогда не выйдет отсюда живой.

Это отвратительное подземелье было ничем иным, как бойней.

* * *

Шериф округа Клакамас приехал встречать Бролена вместе с одним из своих помощников. Джошуа Бролен, как положено, обозначил цель приезда, и они вместе направились в лес на юго-востоке от Стаффорда. Там они съехали с шоссе и двинулись по извилистой тропе, по которой старый «Мустанг» Бролена проехал с большим трудом, и наконец остановились у маленького пруда посреди деревьев. Пруд был мелким и небольшим, едва ли сотня метров в длину, полностью заросшим травой и камышом.

Оказавшись на берегу, Болен был потрясен уединением и тишиной. «Идеальное место для совершения преступления, никто ничего не узнает», – подумал он.

Тогда зачем преступник перевез тело в Туалатин?!

В этом не было ни малейшего смысла. Все в поступках убийцы говорило о его изощренности и очевидном интеллекте, тогда зачем ему нужно было рисковать и перетаскивать тело, если он мог просто бросить его здесь?

– Часто тут бывают люди? – спросил он шерифа, оглядывавшего заросли.

– О, очень редко, – ответил шериф, – может быть, только несколько рыбаков, которые ничего не понимают в рыбной ловле, потому что в этом пруду рыбы нет. Даже не знаю. Ну, еще молодежь, которая иногда приезжает сюда порезвиться по вечерам, вот, пожалуй, и все. Вашингтонский парк у местного населения гораздо более популярен.

Бролен кивнул. Пруд отлично подходил для того, чтобы оставить в нем тело. Но что-то не клеилось. «Должно быть какое-то объяснение, – думал Бролен, – деталь, позволяющая понять, зачем убийца рискнул переместить тело».

– Вы сказали, что это связано с недавними убийствами, – произнес шериф, – с действиями Портлендского палача. Вы полагаете, он был здесь?

– Типа того, – прошептал инспектор.

Не удовлетворившись его ответом, шериф отошел, всматриваясь в поверхность воды так, словно ждал скорого прибытия корабля. Его помощник стоял поодаль, не произнося ни слова с того самого момента, как они приехали сюда.

Бролен обошел пруд, чтобы рассмотреть поляну на другом берегу. Временами он бросал быстрые взгляды в чащу леса и внезапно заметил небольшую тропинку, уводящую туда. Шериф находился на другом конце пруда, в сотне метрах от Бролена, когда инспектор крикнул, обращаясь к нему:

– Здесь есть тропинка! Вы знаете, куда она ведет?

Шериф сделал знак, что плохо слышит, и не торопясь направился к Бролену. Будучи моложе и здоровее, инспектор предположил, что шериф глуховат, но не стал заострять на этом внимание. Как только шериф подошел к нему, он повторил вопрос.

– А, простая тропа, наверное, охотники протоптали.

– Здесь разрешена охота?

– Скажем так, с ней мирятся. В этих местах нет егеря, если вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. А у меня есть дела поважнее, чем наблюдать за такими лесами, как этот!

– Кто-нибудь живет поблизости? – спросил Бролен.

– Нет, это очень уединенный уголок, и если хотите знать мое мнение, жить здесь никто не захочет. Все запущено, – добавил шериф, поправив шляпу.

Бролен оглядел опушку, убедившись, что тропинка пересекает ее и уходит дальше в глубь леса. Лес был густым, в нем росли самые разные деревья, высокий папоротник, кусты ежевики; на земле лежали бесчисленные стволы, обреченные на медленное гниение.

Пронзительный крик какого-то хищника раздался над верхушками деревьев. Мужчины одновременно подняли головы.

Над ними мелькнул силуэт сокола, шериф почесал подбородок и заметил:

– Знаете, я вспомнил: есть все-таки один тип, живущий в лесу неподалеку отсюда.

Бролен повернулся к нему.

– Он мог бы оказаться мне полезен, я бы хотел задать ему несколько вопросов, – сказал он. – Как его зовут?

– Лиланд Бомонт. Я сразу не подумал о нем, поскольку он самый обычный парень. И только увидев сокола, я про него вспомнил. Он обожает соколов. Да и вообще любых хищных птиц, я точно знаю, что он их дрессирует, использует эти свистки... манки, чтобы подзывать их.

– Клик, – поправил шерифа его помощник, незаметно подошедший к ним. – Для дрессировки хищных птиц используют свисток, который называется «клик».

– Мне кажется, вы хорошо в этом разбираетесь. А вы знаете Лиланда Бомонта? – спросил Бролен.

– Ну, не то чтобы, – сказал помощник шерифа. – Я несколько раз видел его на поле, когда он занимался своими птицами. Именно мне приходится выгонять его оттуда, если на него жалуются фермеры.

– А этот Лиланд, чем он зарабатывает на жизнь? – уточнил Бролен.

– Выполняет всякую мелкую работу. Но его страсть – дрессировка птиц и скульптура.

Бролен озадаченно переспросил:

– Скульптура? А что он лепит?

Помощник шерифа пожал плечами.

– Не знаю, кажется, что-то мрачное, ему нравится лепить руки.

Бролен остановился как вкопанный. Шериф и его помощник смотрели на него так, словно перед ними возникло привидение.

– С вами все в порядке, инспектор? – забеспокоился шериф.

– Отвезите меня к этому Лиланду Бомонту и вызовите еще одну машину. Думаю, мы на правильном пути.

Издав над их головами пронзительный долгий крик, сокол пропал за деревьями.

* * *

Лебедка скрипнула в последний раз, и мускулистая рука схватила Джульет за ремень джинсов. Девушка задрожала. Собиравшийся было отцепить крюк, он вдруг остановился – потому что через вырез рубашки заметил ее дрожь. Мягким жестом он протянул руку и положил ладонь Джульет на бедро. Дернувшись, она невольно застонала. Дрожь все никак не унималась. Ладонь стала медленно подниматься по ее телу вдоль позвоночника и замерла между лопатками. Он услышал, как девушка с трудом сглотнула. Иштар, вот как ее звали – так она ему сказала. Все их беседы в Интернете были преамбулой к этому мгновению – мгновению их встречи. Теперь они смогут по-настоящему открыть друг друга. Узнать друг друга. Войти друг в друга. Подумав об этом, он ощутил сильнейший прилив адреналина, его член начал твердеть. Девушка дрожала уже не так сильно, но все еще заметно.

– Тебе страшно? – спокойно спросил он.

Джульет-Иштар помолчала несколько секунд.

– Да... Но я же вам ничего не сделала... – произнесла она шепотом.

На лице мужчины появилась улыбка.

– Сделала.

Его голос был мягким, хорошо поставленным. Но Джульет не обманывалась на сей счет. Он был способен на самое худшее, говорил неестественно, играл с ней.

– Ты меня соблазняла, – возразил он. – Вспомни, какие слова ты писала, все эти фразы, появлявшиеся на экране моего компьютера. Ты сама попросила меня, чтобы я тебя похитил. Я – твой принц.

Теперь никаких сомнений не осталось. «Этот человек – законченный псих, – подумала Джульет, – он болен».

Он убрал руку с ее спины, и Джульет вытянулась на полу комнаты. Это было длинное темное помещение с верстаками, заваленными различными инструментами. В нескольких метрах поодаль стоял пикап. К металлической балке наверху были прикреплены две гаражные лампы, и их свет выхватывал из темноты странную обстановку мастерской. Руки. Их было здесь никак не меньше тридцати, можно было подумать, что это муляжи, хотя некоторые из моделей казались слишком грубыми. Застывшие в невероятных положениях, все эти руки были вылеплены из глины.

– Знаешь, я приготовил нам поесть. И немного вина.

Джульет повернула голову, чтобы лучше разглядеть своего похитителя.

Это точно был он, человек, предложивший ее подвезти. Но сейчас в нем не было ни капли привлекательности. Он был растрепан, волосы торчали во все стороны, как колосья. К тому же небрит и одет в простой комбинезон автомеханика с длинной застежкой-«молнией» спереди.

Увидев, что Джульет разглядывает его, похититель тихо извинился:

– Знаю, я выгляжу не очень представительно, но я сейчас все приведу в порядок. Мне жаль, но эта одежда – самая практичная из всего, что... что... ну, сама увидишь...

Он широко улыбнулся, и Джульет почувствовала, как ее кровь стынет в жилах от страха. И что хуже всего, она увидела, что он гладит свою промежность через ткань комбинезона. Его взгляд стал ледяным и жестоким, и в это мгновение Джульет поняла: он продолжает играть с ней. Ему нравилось постепенно нагнетать напряжение, говорить шепотом. Он забавлялся с ней, как кошка с мышью.

– Просто с ума сойти, что можно сделать с помощью Интернета в наши дни. Нажми несколько клавиш – и найдешь все что угодно, даже настоящее имя какой-нибудь богини, – произнес мужчина, обнажив идеально ровные зубы. Наклонив голову, он посмотрел девушке прямо в глаза. – Но прежде всего ты должна оставить мне что-нибудь на память о себе, – произнес он и поволок Джульет на середину комнаты.

Затем поднял цепь, продетую в петли в полу, и начал обматывать ею тело своей пленницы. Для этого ему пришлось развязать веревки, и Джульет испытала невероятное желание вскочить и убежать. Однако боль в запястьях отняла у нее все силы. Тем не менее ей удалось освободить бедра, и резким движением таза она попыталась выпрямиться. И тут же закричала от мощного удара по почкам, снова упав на холодный пол. Несколько секунд спустя ее уже перевернули на живот и вновь опутали цепью, растянув в стороны руки и ноги.

– Теперь я хочу рассказать тебе, с какими девушками встречаюсь, – произнес ее мучитель таким тоном, словно продолжал приятную беседу с закадычным другом. – Только представь, последняя оказалась шлюшкой. И отдавалась не за деньги – она делала это ради собственной забавы.

Он, замолчал – казалось, раздумывая, не слишком ли разоткровенничался.

– Она сказала, что может... отсосать почти за бесценок. Ты считаешь, это нормально?

Лежа на холодном полу, Джульет пыталась следить взглядом за своим мучителем. Но он исчез из поля зрения. Конечно, он все еще находился в комнате, Джульет слышала его ровное дыхание и скрежет какого-то металлического предмета. Должно быть, он был чем-то занят в углу мастерской. Через несколько секунд мужчина возник прямо перед Джульет, потирая ладони.

– Само собой, я не захотел. Ну, то есть ее, эту шлюху. – Он на мгновение замер, чтобы восхищенно посмотреть на торчавшие над верстаком глиняные руки. – Даже для коллекции. Ой, чуть не забыл!

Он наклонился к этажерке и включил старый, покрытый пылью магнитофон. Мастерскую наполнили звуки барочной музыки. Потом он повернулся и исчез в темноте. И через минуту явился, держа в руках два дымящихся утюга.

– Надо будет прижечь, иначе ты потеряешь сознание и никогда больше не очнешься. А как я тебе только что сказал, нам еще надо поужинать вместе.

Джульет увидела, как он поставил утюги по обе стороны от нее. Потом схватил металлический предмет, зазвеневший, когда он случайно задел им верстак. Это был длинный блестящий скальпель, огромный, как какой-нибудь на тесак для отрубания голов.

– И тогда ты останешься со мной надолго. Очень надолго...

* * *

«Форд Мустанг» и два полицейских автомобиля остановились посреди лесной дороги.

– Не исключено, что я ошибаюсь, но этот тип вполне может оказаться именно тем, кого мы ищем, – предупредил Бролен. – Так что никаких осечек. Вы останетесь в стороне, чтобы он вас не видел, сначала я хочу просто поговорить с ним. Если что-либо покажется мне подо-

зрительным, у меня на руках через час будет ордер на его арест. Однако если он действительно убийца, то может что-нибудь почуять. Если события станут развиваться не так, как мне хотелось бы, я крикну «полиция», и тогда вы вмешаетесь.

– Вы уверены, что хотите пойти туда в одиночку? – спросил шериф, которому происходящее нравилось все меньше и меньше.

– Уверен. Если это он, его нельзя спугнуть. Присутствие полицейских в форме может заставить его нервничать. Как бы то ни было, я не хочу рисковать. Я задам ему несколько невинных вопросов по поводу пруда, не слышал ли он чего-нибудь, типа того. Я хочу просто на него посмотреть, составить о нем представление.

Скрепя сердце шериф согласился.

– Тогда по местам, – бросил инспектор. – И главное, не вмешивайтесь, пока я вас не позову.

Окружая дом, четыре человека в форме растворились за деревьями. Подождав несколько секунд, Бролен двинулся вперед. Менее чем через пять минут он достиг цели. Сама хижина была довольно маленькой, одноэтажной, с многочисленными окнами, прикрытыми шторами неопределенного цвета из толстой ткани, со временем посеревшими от грязи. Мастерская по соседству утопала в кустах ежевики и зарослях папоротника. Довольно узкая, но, возможно, вытянутая в длину, ни одного окна, лишь слегка приоткрытая двустворчатая дверь, из-за которой раздавалась какая-то назойливая музыка. Справа от мастерской располагался самодельный вольтер. В нем сидела пара соколов с коричневым оперением, внимательно наблюдая за инспектором. Он быстро прошел мимо птиц и обогнул клетку. Огляделся вокруг, но нигде не заметил никаких следов автомобиля. Мгновение поколебавшись, Бролен направился к приоткрытой двери мастерской.

* * *

Джульет чувствовала, как ее сердце бешено колотится, но не могла выдавить из себя ни малейшего звука. Широко улыбаясь, мужчина приблизился к ней.

– Не переживай, очень больно будет только сначала, а потом я о тебе позабочусь...

Она почувствовала, как ее ягодицы ласкает через ткань джинсов большая ладонь. «Молния» на комбинезоне ее мучителя была наполовину расстегнута, обнажая могучий торс.

Он подложил деревянные доски под запястья девушки, отчего она задрожала еще сильнее.

– Вот так, это чтобы не затупить лезвие о пол, понимаешь?

У Джульет от ужаса кружилась голова, она чувствовала, что сходит с ума.

– Какое чудесное лезвие! – бросил мужчина, по-детски восторгаясь.

Он занес скальпель в воздух. Его глаза выкатились из орбит, блестя, словно тысяча огней, горя гневом и отвратительным безумием.

Джульет закричала что было сил, лезвие рассекло воздух.

Удар оказался мгновенным.

Смертельным.

Она лежала на полу мрачной мастерской, и по ее рукам текла теплая жидкость. Это даже не было больно.

Джульет так и не смогла потом вспомнить, слышала ли она звук выстрела. В ее памяти осталось лишь эхо, похожее на мощный раскат грома.

Она отважилась приоткрыть глаза и увидела, как похититель всем телом падает на пол возле своего тесака. У него отсутствовала верхняя часть черепа, и это его кровь текла по ее рукам. Джульет пошевелила ладонью: на месте.

Уже не понимая, что происходит вокруг, она услышала звук направляющихся к ней шагов, потом восклицание, сразу же перешедшее в крик – испуганный крик, шедший откуда-то очень издалека.

Все, что она смогла запомнить, – успокаивающий голос, обжегший ей душу:

– Больше вам нечего бояться, я из полиции...

Кроме этого она не запомнила ничего: заплакав, Джульет потеряла сознание.

Часть вторая

*Не мертво то, что спит вечно,
И по прошествии веков даже смерть может умереть³*
Г. Ф. Лавкрафт

Солнце медленно опускалось за высокую вершину Вест-Хиллз, бросая тени и радужные блики на городские здания. Нечеткие пятна тихо соревновались друг с другом – кому из них хотя бы еще мгновение удастся побыть здесь. А между тем рыжие кварталы постепенно наполнялись охряными оттенками, а затем погружались в сумерки. Это был ежевечерний танец солнца, зрелище, которое Джошуа Бролен с упоением каждый раз наблюдал из окна кабинета. «Маленькая смерть дня!» – забавляясь, называл он его. И раз за разом испытывал чувство отчаяния, угнетавшего его в течение нескольких минут, но как только наступала темнота, оптимизм вновь начинал бить внутри него ключом.

Сентябрь подходил к концу, однако было еще по-летнему тепло, и многие пользовались этим, чтобы куда-нибудь выбраться. Кварталы пабов, особенно те, где подавали местное пиво, были переполнены: горстки студентов, а также самых обычных горожан в поисках крошечных удовольствий, группы туристов, приехавших оценить гостеприимство пивоварен «Бирваны». Однако Бролен не испытывал желания осушить пару бокалов. По мере того как летнее тепло становилось все менее ощутимым, радость в нем сменялась непонятной грустью – вроде той, приступы которой обычно настигали его на восходе солнца и с наступлением ночи. В главные моменты одиночества.

Вовсе не являясь по натуре пессимистом, он спрашивал себя о причинах такой перемены настроения и не находил никакого ответа. Бывали минуты, когда он раздумывал, является ли это банальнейшим следствием несовпадения профессиональной и личной жизни? Сложно представить, что прекрасный солнечный день, когда небеса лазурны, для кого-то может быть синонимом кошмара. В августе его вызвали в северный квартал, в здание, расположенное недалеко от автострады 5. Он хорошо помнил контраст, который оставила в его душе эта поездка. Утром, слушая радио, он ехал на своем «Мустанге» в Главное управление полиции, подпевая U2. Светило яркое солнце. День начинался замечательно. Но когда через пару часов он, все так же насвистывая, переступил порог квартиры, то обнаружил там следы настоящей резни. Той афроамериканке едва ли исполнилось двадцать, и при жизни ей очень шли ее длинные косы. Теперь от нее осталась лишь кровавая грудa плоти, распотрошенная и выставленная на всеобщее обозрение. Убийцей явно руководила безумная ненависть. Он просто ревновал.

Убийство вследствие супружеских ссор, насилие, сексуальная агрессия – летние месяцы были тяжелыми. Попросту мерзкими.

Бролену нравилась его работа, но иногда он никак не мог избавиться от психологического напряжения. Спорт помогал отдохнуть телу, но для рассудка требовалось что-то иное. Его собственная супружеская история, заведомо лишенная будущего, началась с похода в мэрию и длилась четыре зимних месяца, оказавшись пока что его последним интимным опытом. Дожив почти до тридцати двух лет и обладая телосложением героя-любовника, Бролен необъяснимым образом так и не женился снова. Он чередовал длительные периоды одиночества и короткие случайные связи. Ничего серьезного. Бролен вырос в Логане, маленьком городке в тридцати километрах от Портленда, и от детства у него остались не слишком приятные воспоминания. Там все друг друга знали, было полно зелени – поля, леса и холмы, а до столицы штата – рукой подать, всего полчаса езды на автомобиле. У подножия массивного горного хребта Маунт-Худ

³ Перевод редактора.

он и провел первые двадцать лет жизни, а затем перебрался в портлендский кампус, где открыл для себя независимость и все прелести самостоятельной стирки и глажки. Учеба на факультете сопровождалась серией любовных приключений и разочарований. Черда назойливых флиртов и связь с молодой женщиной на протяжении двух лет, оставившей его ради продолжения учебы в Вашингтоне, – собственно, ничего необычного. Затем он стажировался в ФБР, где ему не хватало свободного времени, чтобы построить по-настоящему крепкие отношения, каждая попытка заканчивалась проигрышем. Постепенно он свыкся с мыслью, что, быть может, ему и не стоит постоянно пытаться начать жить с кем-то еще.

Вдалеке солнце отражалось от гладкой поверхности здания, блестящего, как огромный олимпийский факел.

«Если бы я хоть иногда выбирался...» – подумал Бролен с оттенком сарказма. И голос его матери эхом прозвучал у него в ушах: «Никто никогда не позвонит у твоей двери, если только ты сам не поспособствуешь этому: мы живем не в телевизоре, здесь не все заканчивается одинаковым хеппи-эндом!»

И злодей не всегда погибает в конце!

Эта фраза сама собой выплыла из глубины его подсознания. С недавних пор он работал по факту обнаружения обгоревшего трупа на одном из складов, расположенных в южной части города. Несколько интересных зацепок вперемишку с чувством, что это дело займет у него много времени.

Он взглянул на стенные часы над дверью. 20:02. Пора возвращаться домой и забыть обо всем до завтрашнего дня. И тут вдруг он вспомнил о начатой накануне партии в «Обитель Зла-3» и улыбнулся. Решительно, Салиндро прав: он никогда не сможет отлипнуть от приставки. Желание куда-либо выбраться, пропустить стаканчик и, возможно, кого-нибудь встретить мгновенно улетучилось.

Бролен взял куртку и вышел из кабинета, даже не заботясь о том, чтобы навести там порядок.

Он жил на Алдер-стрит, на противоположном берегу реки Уилламетт, и чтобы вернуться домой, ему потребовалось не более двадцати минут.

Вот и дом. Две просто и минималистично обставленные комнаты. Остатки вчерашнего ужина на кухонном столе, литография, изображающая Орсона Уэллса в образе Отелло, висящая над софой. И слой пыли на всем. Квартира холостяка.

Бролен включил ноутбук и проверил почту. Ничего. Никаких новостей с работы или от матери. Его мать предпочитала компьютеру телефон, терпеть не могла «новые технологии» и ненавидела любые видеоигры, не переставая этим удивлять Бролена. Отец скоропостижно скончался от инфаркта более шести лет назад, оставив Рут Бролен в одиночестве хозяйничать в их маленьком доме в Логане. Она получала хорошую пенсию благодаря оформленной мужем за несколько лет до смерти страховке и проводила долгие часы, обучаясь рисованию и разглядывая с веранды лес и горы.

Джошуа налил себе большой стакан молока с клубничным сиропом и устроился на софе. Многие друзья подшучивали над его любовью к клубничному молоку – особенно этим отличались приятели по академии в Квантико, считавшие любовь к этому напитку своеобразным моветоном, однако эра Джона Эдгара Гувера закончилась, и агентов ФБР вновь восстановили в правах. Никаких сомнений: в империи Большого шефа в эпоху, когда все только и намекали на существование влиятельной «мормонской мафии в ФБР», подобное было бы запрещено...

«Я могу выбрать между Вагнером, Рики Ли Джонсом и Крисом Айзеком или отличной партией в «Обитель Зла!» – подумал Джошуа, одновременно переключая дорожки на hi-fi магнитоле и телеканалы.

Два самых больших удовольствия. Первое – музыка – позволяло ему расслабиться, второе – видеоигры – преодолеть стресс, накапливающийся в течение рабочего дня: они полно-

стью затягивали Бролена в свои миры, мешая ему отдаваться собственным мыслям, заставляя забывать те ужасные образы, которые могли бы окончательно его захлестнуть. Он купил две приставки – одну отнес на работу, вторую оставил дома; они давали шанс бегства от действительности, когда та становилась невыносимой: подобные паузы Бролену были просто необходимы. Некоторым могло показаться, что зависимость от этого «лекарства» свидетельствовала об одном: Бролен не создан для работы в полиции, но на самом-то деле в нем жила душа настоящего копа, просто ему требовалось время от времени «сниматься».

В конце концов он предпочел партию в «Обитель Зла», которую не успел доиграть накануне. Спустя полчаса Бролен с остервенением терзал джойстик, подобно тому, как каторжник пытается разорвать свои оковы. Проявляя настойчивость, он постепенно переходил на новые уровни сложности, понемногу приближаясь к концу игры. Неожиданно прозвучавший телефонный звонок грубо вырвал его из той виртуальной вселенной, где он добивался все больших успехов.

Ворча, Бролен снял трубку, твердо намереваясь закончить разговор как можно скорее.

– Джош Бролен, слушаю.

Мягкий и неуверенный женский голос раздался в ответ:

– Добрый вечер, это Джульет. Джульет Лафайетт. Надеюсь, ты меня не за...

Удивление сразу же заставило испариться всю прежнюю агрессию, и Джошуа, поставив джойстик на ковер, удобно устроился на софе.

– Джульет! – перебил Бролен девушку, не зная, что сказать. – Вот так сюрприз! Как твои дела?

Джульет удивилась такому теплоте приему.

– Ну... Хм... Да все в порядке.

Тон ее голоса не соответствовал словам, он слишком дрожал, был каким-то слишком торжественным – так показалось Бролену. Поднимая трубку, он планировал услышать кого-нибудь из друзей или мать, но никак не ожидал, что это будет Джульет.

– Много времени прошло, – начала она.

– Да... – произнес Бролен. И вдруг начал оправдываться: – Послушай, мне правда жаль, что я не часто объявлялся в последние месяцы, и мне... нет прощения. Mea culpa.

– Нет-нет, – горячо запротестовала Джульет, – это я, ну, то есть я хочу сказать, что тебе не надо извиняться передо мной, ведь я тоже не подавала никаких признаков жизни. Поэтому ничья.

В трубке воцарилось молчание.

– Я... знаю, это странно, но мне захотелось тебя услышать, – неуверенно призналась Джульет – так, словно долго собиралась с силами, готовясь произнести это.

Все еще удивленный, Бролен молчал.

– Может, ты занят? – спросила она.

– Нет, никоим образом.

Бролен схватил пульт и выключил телевизор, отвлекавший его от разговора. Воспоминание о Джульет вызвало в его памяти болезненное ощущение.

– Признаться, я не ожидал услышать твой голос, – сказал он, вытягиваясь на софе.

– На самом деле... я... просто хотела позвонить тебе... – проговорила Джульет. – За последний год у нас не было возможности поговорить... Просто поговорить, не вспоминая невольно о том... происшествии. Ты же знаешь, о чем я.

Она пыталась робко развивать разговор, подыскивая слова, которыми можно было бы описать это странное чувство: нечто среднее между ностальгией и страхом, в котором она сама до сих пор не смогла как следует разобраться.

– Если честно, – продолжила Джульет, – я ведь так и не смогла тебя поблагодарить. Трезво, с ясной головой оценивая случившееся, глядя на то, что произошло с некоторого рас-

стояния. Когда я пошла на поправку, мы потеряли друг друга из виду... Но только прошу тебя, не считай это упреком, ладно? Я хочу сказать, что ты видел меня в те моменты, когда я без устали прокручивала в голове эту драму, а теперь мне стало лучше, и я хотела бы сказать тебе «спасибо». Сказать искренне... или осознанно – как тебе больше нравится.

От неожиданности Бролен хлопнул себя ладонью по лбу. Он поискал взглядом календарь, висевший на кухонной двери, заранее все поняв. Вторник, 29 сентября. Всю прошлую неделю его сердце с замиранием ожидало этой даты, а сегодня он постарался так глубоко спрятать это ожидание где-то внутри, что почти забыл про него. Прошел ровно год с момента похищения Джульет, и сейчас Бролен упрекнул себя, как же он мог об этом забыть. Мозг ведет себя крайне любопытно: наступает годовщина события, перевернувшего чью-то жизнь, серьезная дата, забыть про которую просто невозможно, только если это не происходит неосознанно. Всю минувшую неделю Бролен обещал себе набрать номер телефона Джульет, пригласить ее поужинать, постараться прогнать из ее памяти воспоминания о том ужасном дне – и в итоге, полностью погрузившись в текущие дела, забыл это сделать.

Он не разговаривал с Джульет более полугода, но знал, что должен, обязательно должен ей позвонить. Ради нее, ради того, чтобы ее поддержать.

– Не надо, не благодари меня, скорее, это я должен просить прощения за то, что не объявился, – сказал он. – Как твои дела? – Молчание. – Кажется, ты не совсем в форме, – осторожно добавил Бролен, – могу я что-нибудь сделать?

– Я хотела просто услышать твой голос. Прошел год, и все случившееся кажется мне таким далеким... И тем не менее это так близко, как будто я до сих пор в этом нахожусь.

Бролен положил голову на спинку софы и закрыл глаза.

Вся эта неуверенная ерунда про благодарность немного напоминала заранее приготовленную речь, предлог для звонка. Но когда Джульет заявила, что хотела услышать его голос, Бролен вспомнил ее такой, какой она была раньше, человеком с сомнениями и страхами.

– Если позволишь, я дал бы тебе совет куда-нибудь выбраться вместе с друзьями, – заметил он. – Я знал одну женщину, подвергшуюся нападению; много лет подряд, в каждую годовщину этого события, чтобы не впасть в депрессию, она отправлялась в ресторан.

Джульет прошептала что-то неразборчивое в знак согласия.

– Ты сейчас вместе со своей семьей? – поинтересовался Бролен.

– Нет, родители звонили мне целый день, они все еще в Калифорнии. Мама хотела приехать на несколько дней, но мне удалось отговорить ее и убедить, что со мной все в порядке.

– А это правда?

Прежде чем ответить, Джульет задумалась.

– Почти.

– А как твоя подруга? Та, которая живет недалеко от тебя. Как ее зовут?

– Камелия.

– Будет лучше, если ты отправишься к ней на ночь, сегодня тебе лучше не оставаться в одиночестве.

– Да, вероятно.

Джульет не могла объяснить то, что чувствовала. Как сказать Джошуа Бролену, что сегодня она хочет быть не с семьей или с друзьями, а просто слышать голос того, кто спас ей жизнь? Теперь, слушая его, она испытывала неловкость оттого, что не поддерживала с ним связь. С человеком, который видел все, что с ней произошло. И спас ее. Ей захотелось набрать номер Бролена внезапно, уже вечером. Она листала учебник с описанием всевозможных психических патологий, когда ее грудь вдруг что-то сдавило. Всю неделю она беспрестанно уверяла себя: все будет хорошо, неминуемая дата пройдет так же незаметно, как любой другой день, глупо на этом заморачиваться. И все же чувствовала себя не слишком хорошо: это было не беспокойство за собственную безопасность, а скорее ощущение невозможности с кем-либо

поделиться чувствами. Ни мать, ни Камелия не поняли бы ее, не смогли бы поддержать, ответить на все волновавшие ее вопросы – ведь они не знали ответов. Симпатичное лицо Джошуа Бролена не выходило у Джульет из головы. Поняв, что сможет преодолеть свою робость и набрать номер инспектора, хранившийся в памяти ее телефона вот уже год, она в итоге решилась позвонить ему.

– А кстати, откуда у тебя мой номер телефона? – удивился Бролен. – Его ведь нет в общем справочнике.

Его удивление и мысль, что они оба думают почти об одном и том же, позабавили Джульет.

– Ты же... сам дал мне его в прошлом году, на случай, если... – ответила она довольно иронично, даже не допуская, что сегодня вечером решится шутить.

Бролен тут же отругал себя, что забыл об этом, и теперь старался вспомнить, что имел в виду, когда произнес это «на случай, если...». Джульет была красивой девушкой. Даже очень – тут же поправил самого себя Бролен. Однако он умел четко разделять работу и личную жизнь, не делая из этого правила никаких исключений. Такова одна из заповедей, оставшихся у него со времен учебы в ФБР. Какой бы очаровательной ни была девушка, он всегда старался смотреть на нее иначе, нежели любой другой мужчина, привлеченный красотой и обаянием.

– Точно, припоминаю, – соврал он. – Послушай, все-таки тебе надо последовать моему совету: не нужно оставаться одной в такие моменты: выйди, развейся; сомневаюсь, что для тебя окажется полезным всю ночь вспоминать те события, так ты точно впадешь в депрессию. Не хочу драматизировать – я пытаюсь всего лишь помешать тебе заикнуться на том... случае.

Несколько месяцев подряд после нападения на Джульет Бролен интересовался тем, как проходит ее лечение – она регулярно посещала Службу помощи жертвам агрессии, созданную при полиции Портленда. Там ее научили мириться с происшедшим почти так же, как приходится соглашаться со смертью близкого человека: решительно принять это, чтобы потом всю жизнь не ощущать на себе гнет случившегося. Ей рассказали, что лучше несколько раз как следует поплакать, чем загнать душевную травму внутрь, ожидая, что та постепенно будет где-то там разлагаться. Джош знал, что она справилась, доказав, что обладает волей борца, однако тягостные воспоминания могли вернуться к Джульет снова, особенно в годовщину трагедии.

Было слышно, как на другом конце провода Джульет вздохнула. И затем проговорила:

– Я идиотка, мне не следовало тебе звонить, сожалею.

– Не говори так. Я рад тебя слышать, – добавил Бролен одними губами. – На самом деле я тоже хотел тебе позвонить, но... с этой работой... Знаешь, для меня тоже очень важным было все то, что тогда произошло. – Чувствуя, что Джульет напряглась, полностью уйдя в свои мысли, он добавил: – Хочешь поговорить об этом?

Джульет перепасовала мяч обратно Бролену.

– Я не рискнула сама попросить тебя. Боялась, что ты воспримешь это как навязчивое приглашение. Если ты приедешь, это не сильно тебя отвлечет от дел?

Бролен открыл глаза: предложение Джульет выходило за рамки того, о чем он думал. Он надеялся, что они всего лишь поговорят по телефону и ему не придется ехать через весь город. Но молчание Джульет отвергало любую попытку отказаться, он должен был сделать это ради нее. И в глубине души, вопреки рассудку, он ощущал, что ему очень нравилось что-то в этой девушке, и эта симпатия выходила за рамки профессиональных полномочий. Ее личность, образ жизни.

«Всего час или два, – подумал он, – ради того, чтобы просто поддержать ее, а потом я вернусь и лягу спать».

– Ок, я еду, – уверенно произнес Джош. – Доставай бокалы и грей диван, буду у тебя через сорок минут, если, конечно, найду свой телепортёр.

Он почувствовал, как девушка улыбнулась. Ей стало спокойнее.

* * *

Миновав Шенандоа-террас, престижный квартал Портленда, белый «Мустанг» поехал мимо зданий, возвышавшихся над остальным городом. В конце Шенандоа располагались два просторных дома, за которыми начинался лес. Дороги дальше не было. Поразмыслив несколько секунд, Бролен поднялся на крыльцо меньшего из двух особняков.

«Неплохой вид, – подумал он, осматриваясь. – Не так много соседей, просторно, и лес, где можно бегать по утрам, прямо рядом с домом – что еще нужно?»

Дверь отворилась.

Стоя на пороге, Джульет радушно улыбалась Бролену.

– Спасибо, что пришел, – произнесла она, приглашая войти.

Бролен немного растерянно улыбнулся ей в ответ, не зная, как реагировать. За те несколько месяцев, что Джошуа не виделся с ней, он забыл, насколько она очаровательна. Не вынимая руки из карманов, Бролен вошел в холл.

Джульет указала ему на открытую дверь.

– Принесу кофе, располагайся, – произнесла она, удаляясь в сторону кухни.

Бролен прошел внутрь – в большую гостиную с множеством диванчиков, кресел, низких столиков и камином – таким огромным, что туда можно было шагнуть, не сгибаясь. Над камином располагались перила мезонина и стеклянная дверь. Джошуа развеселился при мысли, что оказался в подобном месте. Его кроссовки, потертые джинсы и старая кожаная куртка совершенно не соответствовали здешней обстановке.

– Думаю, тебе нравится покрепче? – крикнула Джульет из кухни.

Джошуа не стал объяснять, что не пьет кофе с тех пор, как бросил курить: нынче вечером он сделает исключение. Повернувшись, он увидел черный лакированный «Бёзендорфер» в окружении зеленых растений. Он подошел и поднял крышку, его пальцы мягко коснулись клавиш.

– Ты играешь? – спросила Джульетт, появляясь у него за спиной.

Бролен тут же прервался, виновато улыбнувшись.

– Нет. У моих родителей было фортепиано, однако отец запрещал мне к нему прикасаться.

– Это глупо. Зачем тогда оно нужно?

– Полагаю, отец сохранил его в память о своих родителях, однако, может быть, он вообще не хотел, чтобы кто-то на нем играл. Не знаю. А ты?

Джульет подняла брови.

– Начала учиться в восемь лет. Думаю, это должно было сделать из меня виртуоза, но, к огромному разочарованию моих родителей, я очень слабый музыкант.

На ее щеках появились ямочки. Бролен смотрел на нее, удивленный ироничным тоном девушки. Он уже совершенно забыл, насколько она красива: эти черные волосы, каскадом спадающие на плечи, сапфирового цвета глаза. Такие синие, что если долго смотреть в них, можно потерять рассудок. В конце концов, Джошуа подумал о том, что так и не определился, как именно ему следует относиться к Джульет. Он спас ей жизнь, после трагедии они некоторое время провели вместе, но тогда их отношения были особенными: Джульет приходила в себя, а ему постоянно мешали все эти полицейские барьеры, поэтому он не смог просто подружиться с ней. Поразмыслив, он почти с удивлением обнаружил, что оказался у нее в доме спустя год. Их связывало то, что они пережили вместе, между ними установилось взаимное доверие, но они так и не стали ближе. Когда Джульет немного оправилась, он отстранился, с головой ушел в работу, не желая оставаться наедине с красивой женщиной.

Через мгновение Бролен испытал желание прикоснуться к ее нежным и соблазнительным губам, его взгляд упал на прикрытую свитером грудь девушки. Чувствуя, что отклонился от разговора, он указал на три диванчика, расставленных полукругом, и спросил:

– Который из них предназначен для полицейских?

– Тот, что тебе больше нравится.

Бролен выбрал центральный и устроился поудобнее.

– Рад видеть, что ты не перестала улыбаться, – добавил он. – Это главное.

– Стараюсь.

Джульет не могла признаться, что обрела способность улыбаться менее часа назад, как раз тогда, когда он сказал ей, что придет. От этого человека исходила спокойная сила. Уверенность.

Джульет поставила на стол две чашки очень крепкого черного кофе.

– Чем ты занимаешься теперь? – поинтересовался Бролен.

– Иду по твоим стопам, – сразу ответила она. – Ты ведь изучал психологию, правда?

Бролена вновь удивила ее память. По завершении дела Лиланда Бомонта, Портлендского палача, Бролен хотел помочь Джульет прийти в себя, справиться с пережитым кошмаром. Так он почти помогал и самому себе тоже, ибо это дело сильно зацепило и его. Тогда он впервые убил человека. Джошуа никогда не признался бы в этом Джульет, и ему вообще казалось, что он не так уж и много рассказал ей о себе, но теперь, год спустя, выяснилось, что девушка не забыла абсолютно ничего из того небольшого, что он ей о себе поведал. В голову Джошуа вдруг пришла мысль, что Джульет могла сохранить в памяти все незначительные детали, будучи равнодушной к нему, однако поведение никак не выдавало ее чувства. Конечно, она была расположена к нему, но сохраняла дистанцию и уж точно была далека от любой фамильярности.

– Ну, у тебя и память! – заметил Бролен. – Я впечатлен.

– Отвечая на твой вопрос, могу сказать, что сейчас я учусь на последнем курсе психфака: еще немного смелости, и я получу диплом.

– И что потом? Есть какие-нибудь идеи?

– Пока не знаю. Скажем так: случившееся в прошлом году открыло передо мной новые перспективы. Мне очень нравится мысль в будущем заняться выявлением подобных монстров. Может быть, работая на ФБР. Я действительно иду по твоим стопам!

– Не забывай про осторожность, или закончишь в рядах портлендской полиции, – пошутил Бролен в ответ.

Отпив глоток все еще обжигающего кофе, он тут же почувствовал, как от желания затянуться сигаретой буквально зашекетало нёбо. Легкие словно окаменели в груди.

В огромной гостиной воцарилась тишина. Где-то вдали секундная стрелка настенных часов без усталости отсчитывала мгновения. Постаравшись сосредоточить внимание на Джульет, Джошуа изо всех сил пытался не думать о вредной привычке, давно уже не напоминавшей ему о себе.

– Наверное, нелегко было в последние месяцы? – поинтересовался он.

– Нормально. Уже довольно давно я выхожу по вечерам, иногда даже пешком возвращаюсь от Камелии. Можно сказать, мне удалось справиться с агорафобией. Правда, я и прежде никогда не была тусовщицей, так что сейчас ничего особенно не изменилось! – ответила Джульет, искренне улыбнувшись.

– А Интернет? Ты много времени там проводишь?

– Намного меньше, чем раньше, – ответила она, нахмурившись, – намного меньше. – Джульет смотрела в чашку с кофе. – Я рада видеть тебя, Бролен, – произнесла она.

– Джош. Думаю, так лучше.

Джульет кивнула и добавила:

– Знаю, это может выглядеть глупо, но мне надо было тебя увидеть. Своего рода разминка для ума: увидеть тебя, чтобы вспомнить, что все это действительно со мной случилось.

Мысль, что он оказался одним из звеньев в этой цепи умозаключений, заставила Бролена испытать разочарование, и он даже скривился. Не то чтобы он воображал себе нечто большее, но, по крайней мере, надеялся стать если не другом, то хотя бы добрым знакомым Джульет.

– Я неправильно выразилась, – поправилась Джульет, – я просто хотела сказать: поскольку ты знаешь, что именно тогда произошло, то я надеялась, что сегодня вечером ты окажешься здесь. Мне надо было видеть тебя, ведь ты – единственный, кто пережил это вместе со мной и с кем я не обязана в деталях обсуждать случившееся; ты способен меня понять, но при этом я не должна тебе ничего объяснять. Ты ведь знаешь сам...

– Знаешь, что действительно было бы гениально? – перебил он. – Зажечь в камине огонь: я уже столько лет не видел ничего подобного. А потом мы могли бы не спеша поговорить обо всем, как в детстве.

Два силуэта, вытянувшиеся под одеялами каждый на своем диванчике. Тени, спорившие с янтарными отблесками пламени в тишине гостиной, где в камине трепетал огонь. Время от времени Бролен или Джульет шепотом произносили какую-нибудь фразу в ответ на очередной вопрос. Уже наступила ночь, и после двух с половиной часов беседы с Джульет Бролен решил не возвращаться домой. Девушка нуждалась в нем, в сочувствующем собеседнике, и ему в свою очередь было необходимо, чтобы рядом с ним тоже был кто-то, ему также требовалось немного тепла, пусть это тепло было лишь дружеским.

Постепенно фразы превратились в бессвязные, произносимые невпопад слова: усталость взяла верх, и ночь усыпила обоих до наступления нового дня.

5

Ларри Салиндро толкнул дверь кабинета капитана Чемберлена. В руках он держал картонную коробку с пончиками, купленными несколькими минутами ранее по дороге в Главное полицейское управление.

– Привет, Ларри, – произнес Чемберлен бодрым голосом, несмотря на то, что было ранее утро.

– Салют, кэп. Пончиков? – предложил Салиндро, протягивая открытую коробку.

– От этой гадости ты помрешь на пять лет раньше, Ларри, тебе надо лучше следить за своим весом, – пробормотал Чемберлен. – Ладно, что у нас с этой историей о торговле краденными машинами?

– Движемся понемногу, этим занимаются Кьютц и Беленджер.

– А что по поводу обнаруженного на складе трупа?

Салиндро с трудом проглотил кусок, прежде чем ответить.

– Дело ведет Бролен, я по возможности ему помогаю. Личность убитого пока не удалось установить, судмедэксперт сейчас как раз изучает рентгеновские снимки.

Чемберлен покачал головой.

– Ларри, не забывай, ты находишься здесь, чтобы осуществлять связь между полицейскими и операми, а не для того, чтобы ассистировать инспектору Бролену. – посоветовал Чемберлен. – Не превращай ваше сотрудничество в привычку, даже если оно оказывается плодотворным, не это твоя основная задача.

Салиндро что-то проворчал в знак согласия. Уже два года подряд он был посредником между патрульными и бригадой оперов, из них полтора года помогал Бролену. Поначалу это выглядело следующим образом: он собирал для инспектора отдельные сведения, но в конце концов бок о бок с ним принял участие в расследовании нескольких дел. В свои пятьдесят Салиндро все еще был лейтенантом, однако болезненные приступы люмбаго избавили его от необходимости лично участвовать в патрулировании. Получив роль посредника, который мог находиться вдалеке от мест происшествий, он неизменно старался помогать своим коллегам из Криминального отдела.

– Бролен уже здесь? – спросил капитан, поглаживая свои тонкие черные усики.

– Не думаю, – ответил Салиндро.

– Если увидишь, скажи, что я жду его у себя в кабинете, чтобы кое-что прояснить по поводу дела, которое он ведет. Заодно предупреди Кьютца и Беленджера, что у нас будет общее совещание в одиннадцать.

Салиндро кивнул и встал. Он уже почти вышел за дверь, когда капитан Чемберлен протянул к нему руку и сказал:

– В конце концов, дай мне один из этих мерзких пончиков.

Часы в холле Криминального отдела показывали 9:50, когда появился Бролен. Небритый, во вчерашней одежде, он постарался как можно незаметнее проскользнуть в свой кабинет.

– Так-так, – раздался за его спиной голос, который он сразу же узнал, – кажется, наш юный инспектор не ночевал дома! – Вздохнув, Бролен обернулся и увидел пузатую фигуру: это действительно был Салиндро. – Даже не пытайся соврать мне, – продолжал тот, – ты провел ночь с женщиной.

– Это не то, что ты думаешь, – начал Бролен.

– Ну да... Если кто-то начинает защищаться прежде, чем его хоть в чем-то обвинили, значит, он точно виновен, – ответил Салиндро, облизывая испачканные сиропом пальцы.

Протестуя, Бролен поднял вверх ладонь.

– Не понимаю, почему я должен перед тобой оправдываться, – произнес он. – Это просто подруга.

Взгляд, брошенный Салиндро, заставил его капитулировать, и он вошел к себе в кабинет. Лейтенант произнес самым сладким голосом, на который только был способен:

– Капитан хотел тебя видеть, Дон Жуан!

Пока Бролен отчитывался перед Чемберленом и звонил по телефону судмедэксперту в лабораторию, утро незаметно закончилось и почти неожиданно наступило обеденное время. Само собой, Салиндро успел слить информацию, и некоторые инспекторы при появлении Бролена принялись шутить в его адрес, придумывая ему ласковые прозвища, одно забавнее другого.

Положив кусочек салями между двумя ломтиками хлеба, что вместе должно было означать сэндвич, Бролен стал вспоминать события предыдущей ночи. Уже давно он ни с кем не общался так искренне. За исключением немногих вечеров, проведенных в компании Салиндро, он не часто имел возможность подолгу с кем-либо беседовать – и так откровенно, как с Джульет. Они вспоминали забавные случаи из жизни, обменивались мнениями по незначительным вопросам, внимательно слушая собеседника, и в итоге пришли к полному взаимопониманию. Так, открывая друг друга, они провели несколько часов подряд. Хотя их год назад связала трагическая история с участием Портлендского палача, Джошуа был удивлен той легкости, с которой теперь они доверили друг другу свои мысли. Словно встретившиеся после долгой разлуки старые друзья. Утром, когда укутанная в одеяло Джульет заснула, он уехал, оставив ей записку со словами благодарности за минувший вечер.

Сейчас он чувствовал неловкость. Ему хотелось позвонить Джульет и предложить ей повторить то, что было накануне, но боязнь, что она может как-то неверно истолковать его предложение, смущала. Он не хотел казаться человеком, любой ценой стремящимся скрасить одиночество в компании первой встречной.

Через десять минут он, наконец, решил, что наберет номер Джульетты ближе к вечеру. В конце концов, это его право, и тем хуже, если она сочтет его глупцом.

6

Расти Макгири ехал по лесной дороге на велосипеде; чтобы подняться на вершину холма, ему пришлось сильнее нажать на педали. Вашингтонский парк был идеальным местом для велосипедных прогулок. Он возвышается над западными кварталами города, тянется на несколько километров, изрезанный множеством узких и извилистых тропинок.

В свои двенадцать Расти часто приезжал сюда покататься в тени деревьев; он знал все дороги и овраги, ему были ведомы кратчайшие пути, по которым можно добраться до нужного места.

Сегодня он боролся за жизнь.

Тяжело дыша, он обернулся и внимательно посмотрел назад, чтобы убедиться, что его никто не преследует, и покатился вниз по склону, прибавив скорость настолько, насколько был способен. Он мчался между деревьями, как метеор. Его умение выбирать самую удобную тропу было его единственным шансом на выживание. Ошибись он, и все – конец. Если он поскользнется на ковре из мертвых листьев, история жизни Расти Макгири закончится. Стало быть, у него нет ни малейшего права на ошибку.

Подумав так, Расти ощутил еще больший прилив решимости; привстав на педалях, он выжал из них все, на что был способен.

Начинало темнеть. Растения вокруг мальчика образовывали мягкий, бесконечный коричневато-зеленый ковер.

Выйдя из очередного виража, он очутился на маленькой полянке, где стояли деревянные домики, предназначенные для любителей оздоровительного бега. Расти затормозил, подняв облако пыли в сухом вечернем воздухе. Он попытался задержать дыхание, чтобы как следует прислушаться. Ничего. Самым ужасным, самым отчаянным было то, что он ничего не знал о своих врагах. Где они? Близко? Приближаются или, наоборот, удаляются от него? Чтобы они его не поймали, ему нужно постоянно перемещаться; попади он в плен – и можно распрощаться с мечтой о победе.

Вдруг в поле его зрения возник силуэт: кто-то спускался по северному склону холма и менее чем через минуту должен был тоже оказаться на поляне. У Расти не было времени оценить ситуацию, он швырнул велосипед в ближайшие заросли и бегом бросился между деревьев. Обогнув внушительные кусты ежевики, он спрятался за стволом дерева и принялся восстанавливать дыхание.

Лесную тишину разрезал голос другого:

– Расти! Нельзя съезжать с тропинок! Ты жульничаешь!

Ему было на это наплевать. Если он будет соблюдать правила, то опять проиграет. Против него в этой охоте на человека, участвовали трое, но сегодня он не проиграет.

– Расти! Я знаю, что ты здесь! – кричал другой подросток. – У меня твой велосипед!

В течение нескольких следующих секунд Расти ощущал, как удары сердца отдаются во всем теле. Чувствуя подвох, он наклонился и выбрался из укрытия, чтобы понаблюдать за своим противником. Он увидел, как Кевин Бейнс идет по его следу между деревьев. Расти побежал прочь: нельзя было сидеть неподвижно, это могло закончиться гибелью. Он принялся пробиваться через заросли папоротника, но очень быстро понял, что тихо двигаться по лесу невозможно, особенно в это время года; шум получался невыносимый. Расти спрашивал себя, что же делать, и тут заметил стены старой халупы.

«Идеальное укрытие», – подумал он. Если чуть-чуть повезет, Кевин пройдет, не заметив его.

Соблюдая меры предосторожности, Расти подошел ближе, стараясь не наступать на сухие листья и ветки. Хижина напоминала одну из тех старых построек, в которых сто лет назад,

дабы не возвращаться домой на ночь, на неделю-другую селились дровосеки. Расти двинулся вдоль глухой каменной стены в надежде отыскать дверь или какой-либо другой проход. Внутри раздавалось глухое жужжание. Очевидно, в глубине хижины работал водяной насос или нечто подобное. Тем лучше, значит, у него будет отличное убежище. В конце концов с противоположной стороны Расти нашел дыру – достаточно большую, чтобы пролезть внутрь.

Вытащив из кармана зажигалку «зиппо» – подарок брата – он зажег огонь.

Гул усилился.

Кевин Бейнс пробирался между деревьями и зарослями кустов, ловя малейшие звуки. Расти был совсем близко, он готов был дать руку на отсечение. Все будет как надо. Он отыщет его и получит звание «Суперохотник»; он, и никто другой.

Слева, вдалеке от него, хрустнула ветка, и Кевин сразу же присел.

И тут воздух разрезал ужасающий вопль.

Это кричал Расти Макгири.

Прежде чем умолкнуть, он что есть мочи вопил несколько секунд подряд.

7

Доктор Сидни Фольстом, высокая женщина лет сорока с твердым взглядом, производила впечатление почти на всех мужчин, с которыми работала, и прежде всего на полицейских. Директор Бюро судебно-медицинской экспертизы Портленда одновременно пользовалась уважением коллег и репутацией бесконечной придиры. Ей нравилось, когда работа сделана хорошо, она терпеть не могла легких путей. Заметив, что уже 17:15, а инспектора Бролена все еще нет, доктор, ворча, пообещала себе, что ему будет нелегко добиться желаемого. Больше всего на свете она ненавидела непунктуальность.

Портлендский Институт судебно-медицинской экспертизы находился на краю города – длинное здание из красного кирпича с высокими затемненными окнами, в которых изредка мелькали тени сотрудников. Оно напоминало старинный английский университет, казалось сошедшим прямиком с экрана, на котором показывали какой-нибудь хаммеровский фильм. Главный вход был предназначен для семей, приходивших сюда опознать тело близкого человека в одном из выставочных залов, как их здесь называли. Персонал обычно пользовался служебным входом – через внутренний двор и подвал, этим же путем привозили на вскрытие тела.

Бролен двинулся по покрытому линолеумом цвета зеленых яблок длинному коридору, мимо прозекторских. За одной из дверей он явственно различил звук пилы, вгрызающейся в черепную коробку.

И прибавил шаг.

Казалось, здесь нет ни одной живой души, словно подвал населяли лишь тени и призраки. Иногда Бролен различал шорох рабочего халата или покашливание, но никого не видел, все прятались за полуоткрытыми дверями прозекторских. Здесь витал удушливый запах антисептика, и Бролен только теперь вдруг понял, что находится в подземелье, где совершенно нет окон, и, возможно, несмотря на мощную вентиляцию, антисептик – единственное средство защиты от назойливого запаха смерти. По спине инспектора пробежала дрожь. Миновав ряд каталок, он почти бегом преодолел лестницу, ведущую на первый этаж.

Помимо помещений, предназначенных для родственников умерших, и ритуальных залов, здесь находились лаборатории.

Пройдя через внутреннюю дверь центрального коридора, Бролен направился к лестнице. По обеим сторонам располагались огромные стеклянные перегородки лабораторий, где сутились многочисленные мужчины и женщины в белых халатах. Огромные компьютеры мерцали светодиодами, а тем временем группа техников контролировала их и записывала полученные данные; немного дальше стоял манекен в окровавленной рубашке – он предназначался для определения траектории полета пуль. Далее Бролен миновал ряд плотно закрытых дверей, на которых висели одинаковые таблички «Запрещается входить, если горит красная лампа»; как бы в подтверждение этих слов над некоторыми из дверей действительно светились красные огоньки. Это были специальные лаборатории спектрометрического, фото- и баллистического анализа; в одной из здешних комнат также находилось оборудование для дополнительных комплексных исследований: лазерный низко- и высокочастотный сканнер, многоканальный радиометр и подключенные к сверхмощному компьютеру газовый хроматограф и массовый спектрометр. Короче, арсенал, с помощью которого можно было при необходимости вычислить происхождение мельчайших частиц любого вещества; целая батарея компов, способных рассказать все о крошечной песчинке, начиная от места ее происхождения и заканчивая тем, в каких краях она волею случая могла очутиться. Это было царство Карла Диместро и Линн Сонг, возглавлявших все лаборатории первого этажа. Но сейчас Бролену предстояло встретиться с доктором Фольстом, чей кабинет находился на втором этаже. Опаздывая, Бролен не стал заходить к Карлу, чтобы поздороваться, – не сомневаясь, что тот погружен в какие-нибудь

таинственные исследования, и поднялся наверх. На втором этаже было спокойнее, здесь располагались токсикологическая лаборатория, служба генетических исследований и отдел кадров. Бролен быстро нашел нужную дверь, постучал и вошел внутрь.

Сидни Фольстом встала, чтобы поздороваться. Безупречная химическая завивка и взгляд зеленых глаз, пронзивший Бролена, будто нож. Сосредоточенное выражение лица доктора не позволяло определить, пребывает ли она в дурном расположении духа или же всегда так выглядит. Она была красива холодной, почти жестокой красотой.

«Профессиональная деформация», – подумал Бролен, улыбнувшись доктору. Ежедневно вскрывая человеческие тела, кромсая их, словно куски мяса, волей-неволей начнешь меняться. Незримый отпечаток смерти. Это случайно мелькнувшее в голове сравнение показалось Бролену невероятно удачным, и он пообещал себе поразмышлять на эту тему, как только появится возможность.

– Рада вас видеть, инспектор Бролен, пусть даже вы и опоздали, – начала доктор безо всяких экивоков. – Мне кажется или вам здесь нравится? В последние несколько месяцев я тут частенько встречаю вас.

В ее голосе слышался налет академизма, возникающего у тех, кто провел долгие годы в университете; почти двадцать лет тщательного построения фраз и мыслей, чтобы доходчиво объяснять любые темы, уверенность, сквозившая в каждом ее малейшем жесте или слове, выдавали в ней человека, посвятившего долгие годы интенсивным занятиям медициной.

– Я бы предпочел не появляться здесь, если бы мог: не поймите меня превратно, но здешняя обстановка, пропитанная смертью, мне как-то не по душе, – признался Бролен.

Доктор холодно улыбнулась.

– Однако вы работаете в Криминальном отделе, а тамошняя обстановка кажется мне еще более отдающей запахом смерти.

– Но все-таки там работают живые люди, – ответил инспектор, стараясь сохранять вежливый тон.

Едва начавшись, разговор принял дурной оборот и стал напоминать выяснение отношений. Бролен сразу же пожалел, что включился в эту игру, а не промолчал с покорным видом, что часто позволяет быстрее добиваться результата, когда имеешь дело с людьми упрямыми или решившими во что бы то ни стало одержать над вами верх.

Доктор Фольстом разгладила юбку и протянула собеседнику упаковку мятных пастилок.

– Пока вы изучаете биографию умершего, вычисляя убийцу, я занимаюсь тем же самым. Только вместо того, чтобы копаться в его жизни, я копаюсь в его теле.

Бролен засунул пастилку в рот и кивнул, широко улыбнувшись.

– Ну, если смотреть с этой точки зрения... Мне показалось, у вас есть новости, связанные с моим... обгоревшим телом.

Наступило время снять напряжение: Сидни Фольстом была не подарок, но чтобы сохранить с ней деловые отношения, Бролен решил уступить. Директор Бюро судмедэкспертизы и инспектор не были хорошими знакомыми: обычно Бролен работал с экспертами не такого высокого уровня, однако весной, когда результат одного из вскрытий оказался решающим для завершения расследования, он попытался наладить более тесный контакт и с самой Сидни Фольстом в расчете на взаимовыгодное сотрудничество. За пять месяцев он побывал здесь уже раз десять, выясняя у нее разные технические тонкости и каждый раз общаясь с доктором лишь по несколько минут. Бролен уже составил мнение на ее счет. «На первый взгляд строгая, несговорчивая, но не злая, просто чуть-чуть высокомерная, – говорил он себе, – однако эта несговорчивость – всего лишь способ сохранить свою власть в том сугубо мужском мире, каким является полиция».

Словно читая его мысли, Сидни Фольстом провела рукой по волосам, мгновенно сменив гнев на милость и отринув свою привычную строгость.

– Действительно, вскрытие подтвердило, что имело место убийство. Но сначала я покажу вам несколько очень наглядных снимков тела.

Встав, она взяла с полки картонную папку, и Бролен убедился, что был прав: своим нарочито высокомерным поведением доктор старалась поддержать свой авторитет. Инспектору, выказавшему некоторое неуважение к тому ужасному месту, в котором он очутился, теперь предстояло увидеть цветные и сделанные крупным планом фотографии распотрошенного тела. Доктор, конечно, не преминет подчеркнуть наиболее отвратительные вещи, упиваясь описанием нанесенных ран – этим искусством она овладела в совершенстве, доказывая свое неоспоримое превосходство над собеседником. Даже привыкнув сталкиваться с проявлениями крайней жестокости, Бролен ненавидел это. Он знал, что и через тридцать лет службы в полиции он так же, как и его коллеги, будет отвратительно чувствовать себя в присутствии трупа. Это только в кино старые служаки-полицейские не испытывают ни малейшего волнения при виде изуродованного тела. Время и опыт позволяют научиться смотреть на это как бы издалека, но никогда, абсолютно точно не сможешь привыкнуть к подобному зрелищу. Вероятно, потому, что все люди разные, и каждый умирает по-своему, навсегда остановленный смертью в нелепой позе. Часто можно услышать следующее утверждение: старость отнимает у людей достоинство, а смерть возвращает его; возможно, но только при условии, что кто-нибудь постарается придать телу более достойный вид, ибо смерть отличается странной прихотью – приходить в самые неожиданные мгновения.

– Сейчас вы все поймете, – сказала доктор Фольстом, выдергивая Бролена из его размышлений.

В кармане у инспектора завибрировал мобильник.

– Прошу вас простить меня, – пробормотал он, пытаясь вытащить телефон из кармана своей кожаной куртки.

Он буквально ощущал, как Сидни Фольстом буравит его взглядом.

– Бролен, слушаю.

– Джошуа, это Салиндро. Тебе надо приехать, тут в лесу неподалеку от зоопарка нашли тело.

Салиндро казался напряженным, словно только что услышал неприятную новость.

– А почему я? Ларри, я сейчас занят расследованием.

– Раз я тебя прошу, значит, у меня на то есть причины.

– Слушай, я сейчас не могу, а потом, это ведь юрисдикция Юго-Западного комиссариата. Это что, так важно?

– Нам как раз позвонили парни из Юго-Западного, чтобы предупредить тебя. Увидев тело, они сразу вспомнили о тебе.

– Что значит – вспомнили обо мне? – нетерпеливо переспросил Бролен. – В каком смысле?

– Хватит возражать, и жди меня у поворота на Кингстон Драйв, возле зоопарка. Это важно. На самом деле.

Голос Салиндро, всегда такой спокойный, выдавал не свойственную ему тревогу, и Бролен сдался. Он отсоединился и взглянул на доктора Фольстом, казалось, рассерженную этим неожиданным вмешательством.

– Мне очень жаль, но нам придется вернуться к разговору позднее, возникло срочное дело, – объяснил Бролен, вставая и испытывая при этом некоторое облегчение.

Сидни Фольстом, продолжая внимательно смотреть на него, глубоко вздохнула. Извиняясь, Бролен сделал ей знак рукой.

Внезапно у него внутри возникло неприятное предчувствие: ощущение приближающейся трагедии.

8

Бролен припарковал свой «Мустанг» у обочины. Тут уже стоял, ожидая его, черно-белый полицейский автомобиль – правда, его внешний вид был немного изменен, поскольку поверх черной краски нанесли синюю; на капоте сидели Салиндро и еще один мужчина в форме. Чуть поодаль неподвижно замерли две другие машины, одна из них – минивэн передвижной судебно-медицинской лаборатории.

– Что случилось? – забеспокоился Бролен, подходя к Салиндро.

Тот скорчил гримасу отвращения.

– Девушка. Ее нашел парнишка часа два назад, он играл с друзьями. Двое ребят из Юго-Западного приехали проверить, не шутит ли он. Кажется, они теперь белые как полотно.

– Врач-то хотя бы здесь? – спросил Бролен.

– Ну да, он убедился, что она мертва, но ничего не стал трогать. Мы оцепили место и ждали, когда ты приедешь.

– Но все-таки, почему я? Капитан в курсе?

– Да, он узнал, когда ребята из Юго-Западного позвонили нам. Он-то и сказал мне, что тебе следует приехать.

Бролен не понимал, к чему клонит коллега. Он уже был занят расследованием, и срочный вызов в другое место выходил за рамки обычной юрисдикции.

– Так ты мне объяснишь, наконец, зачем я здесь? – вновь начал Бролен.

Салиндро бросил короткий взгляд на другого полицейского прежде, чем ответил:

– Ты должен все увидеть собственными глазами, иначе ты мне никогда не поверишь.

Пройдя по лесу сотню метров, они вышли к оцеплению: между деревьями, вокруг полуразрушенной хибары была натянута заградительная лента. Здесь же находились несколько полицейских, внимательно разглядывавших землю и делавших пометки в блокнотах. Двое мужчин в серых халатах экспертов-криминалистов держали в руках тяжелые чемоданы. Они старательно исследовали почву вокруг дома. Один из них наносил желтый порошок на прозрачную пленку полуметровой длины, прикладывая ее ко всему, что только могло напоминать отпечатки ног на земле.

– Эксперты ждут твоей отмашки, чтобы войти внутрь, – предупредил Салиндро.

Бролен кивнул, все еще не понимая, зачем он здесь. Ни его звание, ни репутация не могли быть причиной этого внезапного вызова. Не располагал он и связями в высших кругах, достаточными для того, чтобы его могли бросить на расследование громкого дела. Конечно, он был одним из тех редких копов, даже, наверное, единственным, кто способен составить верный психологический портрет убийцы, опираясь на улики, найденные на месте преступления, но зачем тогда было вносить в это дело столько таинственности? Он терялся в догадках. Однако окружающие смотрели на него так, словно его присутствие было решающим. К нему подошел мужчина в форме офицера полиции.

– Мы ждали вас, инспектор Бролен, я – лейтенант Хорнер из Юго-Западного округа. Мы уже собирались отправить сюда одну из наших групп, когда сержант Фаулингз описал нам жертву.

Внезапно Бролен подумал о Джульет. Он представил себе ее залитое кровью лицо, отчего сердце в груди учащенно забилося. Нет, невозможно, никто не знал, что они с Джульет встречались, тем более копы из Юго-Западного.

– И все-таки? – нетерпеливо спросил Бролен. – Почему вы вспомнили обо мне?

Офицер и Салиндро обменялись понимающими взглядами.

– Видите ли, жертва...

Сделав жест рукой, Салиндро прервал его:

– Лучше взгляни сам, Джош.

И он увлек его в сторону ветхого дома. Вытащив свой «Мэг-Лайт», Салиндро включил его.

Бролен услышал жужжание. Мужчины неподвижно замерли перед зияющей в стене дырой. По стене стелился плющ, раскинув свои побеги на манер щупалец, он был таким густым, что почти скрывал единственный проход внутрь. Остановившись возле дыры, Бролен испытал неприятное чувство: ему показалось, что он стоит возле распахнутой пасти, терпеливо ожидающей, когда в нее затолкают еду; дыра между побегов плюща напоминала гигантские челюсти.

В ноздри ударил резкий запах. Бролен безошибочно определил, что их ждет внутри. Он вспомнил, как в самый первый раз, столкнувшись с запахом смерти, не совсем удачно сравнил его с вонью кишечных газов больного, но больше никогда в подобной ситуации не смеялся, скорее наоборот.

Нагнувшись, Салиндро пролез в дыру, Бролен тут же последовал за ним. Они углубились в темноту, царившую в черной пасти. Мерзкий запах стал еще сильнее, словно зловонные испарения скапливались здесь уже достаточно долгое время. Бролен кашлянул от отвращения, Салиндро тут же последовал его примеру.

Пучок света скользнул по земле, пробивая дорогу между кучами хлама. Они шли по старому паркету из вспученных и изъеденных червями досок, поверх которых расположились всевозможные растительные и животные паразиты. Воздух здесь был тяжелым, словно пропитанным смертью. Скрытая побегами растений дыра, через которую они влезли, пропускала слишком мало света, не позволяя разглядеть внутреннюю обстановку. Дверь и окна были заложены камнями, как будто кто-то хотел забаррикадироваться изнутри, создав подобие склепа.

Через несколько метров мужчины оказались в абсолютной темноте, единственным их проводником был «Мэг-Лайт» Салиндро. Они медленно двигались вперед. Время от времени свет фонаря скользил по стенам, и Бролен заметил, что они покрыты слизью, мхом и плесенью. Пол был усеян камнями, трупами крыс, пивными бутылками и обрезками досок, изъеденных термитами.

Жужжание усилилось, напоминая гудение переносного электрогенератора.

Глаза Бролена начали привыкать к темноте, и слабого луча света, который Салиндро направлял вперед, ему стало достаточно. Вокруг было абсолютно темно, сплошное небытие накрывало дом толстой тканью, и лишь свет фонаря связывал реальность с пустотой.

Они осторожно шли в почти кромешной тьме, нарушаемой лишь мутным светом фонаря. Оба как будто оказались вдали от мира, заблудившиеся на дне темной пропасти. Помимо бесконечного жужжания сюда не проникало ни единого звука, и только назойливый гул неумолимо становился все явственней. Да еще тошнотворно запах гниения окружал их все более отчетливо, внушая полное отвращение, бил в ноздри. Пробираясь сквозь облака воня, Бролен слышал дыхание коллеги и пытался сосредоточиться на том, что видел прямо перед собой.

Где-то в самой глубине дома раздался слабый треск, и нога Бролена провалилась между двух паркетных досок, оказавшись в невидимом клубке растений. Ржавый гвоздь через ткань брюк вонзился ему в лодыжку.

Стараясь сохранять равновесие, Бролен расставил руки в стороны и наткнулся ладонью на дымоход старой печи. Он сразу же почувствовал, как под его рукой зашевелились мокрицы.

– Все в порядке? – спросил Салиндро, посветив на Бролена.

– Да, просто я терпеть не могу этих тварей, – проворчал Бролен, тряхнув рукой, стараясь сбросить с нее самых прилипчивых насекомых. Осторожно вытащив ногу из дыры, он ощупал лодыжку, дернувшись от боли.

– Блин, я порезался.

Теплая жидкость потекла у него между пальцев.

– Мы уже почти на месте, она прямо за той стеной в глубине.

Слушая Салиндро, Бролен вдруг понял, что они говорят шепотом, словно само место внушало им страх или какое-то особенное почтение.

«Это действительно склеп», – подумал он.

Они двигались дальше осторожным шагом, и доски скрипели под их ногами. В доме обитали целые колонии пауков. Бролен не помнил, чтобы он когда-либо раньше видел их так много в замкнутом пространстве. Стены были покрыты паутиной легчайшей ткани, колыхавшейся от ветра, и внутри нее быстро перемещались маленькие черные восьмипалые существа. Вероятно, здесь их была целая сотня. От крошечных до огромных, размером с блюдо. Они бегали по своим шелковым паутинам, подстерегая добычу, как голодные хищники. Бролен почувствовал, что ему стало трудно дышать: то ли из-за висевшей во мраке сырости, то ли ощущения, будто тысячи насекомых слегка касаются его, он почти видел, как они задевают его кожу. Чем дальше он шел вперед, тем большей благодарностью проникался к мальчику, обнаружившему тело. Да, тому действительно понадобилось долбаная порция смелости, чтобы забраться в эту ужасную могилу. И даже зная, что дети не всегда столь впечатлительны, как кажутся, он не испытывал облегчения. Лишь любопытство, смешанное с завораживающим страхом, могло заставить паренька настолько углубиться в темноту.

Луч фонаря на мгновение замер, остановившись на оранжевом сгустке чего-то напоминающего лед. Продукт секретов рыжего гриба!

Казалось, все мельчайшие детали обстановки расположились вокруг них таким образом, чтобы специально создать ощущение бесконечного хаоса; запах гниющей человеческой плоти явственно бил в нос.

Пройдя мимо населенной насекомыми стены, Салиндро остановился и положил ладонь Бролену на плечо.

– Зрелище не из приятных, – предупредил он бесцветным голосом.

Луч света разрезал пыльный воздух и лег на пол прямо перед ними.

Она лежала там.

И над ней с жужжанием вились мухи.

Тонкая полоска дневного света, просачивавшаяся между двух камней в стене, падала на ее голое бедро, словно стремясь подчеркнуть бледность холодной кожи. Несколько белых волосков виднелось на твердом мраморе ее ноги – неподвижных, застывших во времени.

Луч фонаря поднялся выше.

Совершенно обнаженная, она лежала посреди большого темного пятна на полу. Десятки мух вились вокруг отверстий ее тела, как естественного, так и искусственного происхождения, проникая внутрь на считанные мгновения, чтобы отложить там свои яйца.

Бролен переместился взглядом вверх по ногам женщины и тут же испытал отвращение.

Из влагилица торчала рукоять ножа с засохшими следами струйки крови. Черное толстое тельце насекомого вдруг выползло из-под рукоятки, расправив лапы и намереваясь бежать прочь от того огромного куска мяса, в котором только что пировало вместе с сотнями других.

– О, боже мой! – произнес Бролен, прикрыв рот ладонью.

Свет фонаря продолжал скользить вверх по телу, и Джош Бролен наконец понял, почему он оказался здесь.

У женщины, лежавшей тут в компании насекомых, пожиравших ее снаружи и изнутри, были отрезаны руки. На уровне локтей.

Но что хуже всего, ее лоб был изуродован, словно кто-то плеснул на него кислотой.

Так подписывался Портлендский палач.

Сама смерть.

9

Джульет отперла дверь дома и вошла. Она набрала код и отключила сигнализацию, а потом положила вещи на диван.

День, проведенный в университете, оказался долгим и утомительным, она носилась из одной аудитории в другую, затем пять часов провела в библиотеке, делая выписки по своей курсовой работе. Все, что ей теперь было нужно, – очень спокойный вечер перед телевизором и подносом с едой.

Сегодня днем она получила письмо от родителей. Мать писала, что они собираются купить дом, потому что снимать его было хуже, а это значило, что они не вернутся в ближайшее время. Письмо написано с юмором и впитало солнце Сан-Диего, – подумала Джульет, представляя мать, излучающую здоровье и благополучие. Элис Лафайетт старалась хотя бы на один уик-энд в месяц приезжать в Портленд, чтобы повидаться с дочерью, иногда к ней присоединялся Тэд, когда ему удавалось брать выходной на работе. Однако Джульет в общем-то не чувствовала себя одинокой. И даже испытывала некоторое удовольствие от возможности распорядиться своей жизнью так, как ей хотелось: в двадцать четыре года она могла без проблем принимать себя такой, как есть. Дважды в неделю Джульет звонила матери, а лучшая подруга Камелия жила совсем близко.

Нет, если все как следует взвесить, Джульет вовсе не хотелось никакой «нормальной» семейной жизни. Похищение, случившееся год назад, сделало ее более подозрительной, но не изменило стиль ее жизни. Посещая сеансы психологической помощи, она проделала огромную работу и в итоге смирилась с произошедшим. Главное – не закрываться в своей раковине, не оставаться наедине с собственной трагедией, а наоборот, надо открыться навстречу миру, и признать, что на тебя напали, причинили вред, но это никоим образом не должно помешать тебе жить дальше, восстановить душевное равновесие. Она так и поступила. Джульет много времени провела в слезах, невольно надеясь, что ее страх вытечет вместе со слезами и она сможет снова радоваться жизни. Тот мерзавец был мертв, и ему не пришлось наслаждаться тем, что он разрушил ее жизнь. Первые недели после драмы она множество раз возвращалась к сцене собственной смерти, и ей удавалось заснуть с огромным усилием, она страдала оттого, что не может справиться с этим. В группе психологической поддержки, куда она обратилась, ее состояние определили как острый посттравматический стресс, и вместе с остальными участниками она стала пытаться медленно выкарабкиваться из него. Ей подробно объяснили каждую фазу ее стресса, и теперь она знала, что теперь снова обрела душевное равновесие. Однако вероятность того, что стресс может «вновь повториться», как они выражались, все еще сохранялась, поэтому ей надо было быть начеку, не позволяя себе слишком расслабиться или впасть в уныние. Вначале Бролен помогал ей, в первые месяцы после случившегося он часто приезжал, всегда принося с собой какой-нибудь маленький подарок, и это было мило. Потом понемногу он стал заниматься новыми исследованиями, и они начали видеться чуть меньше. А потом и вовсе невольно потеряли друг друга из вида. Так бывает с тем, кто постоянно хочет узнать что-нибудь о бывших одноклассниках и откладывает момент встречи с ними до тех пор, пока совсем не потеряет их из вида.

Благодаря поддержке Камелии и родителей, приехавших на несколько недель в Портленд сразу после происшествия, Джульет выздоровела и почти стала той одинокой Джульет, которой всегда была. Ей даже пришлось настаивать, чтобы родители согласились вернуться в Сан-Диего после того, как в течение полутора месяцев сопровождали ее на занятия в группу психологической поддержки. Ей нравилось спокойствие, хотелось жить в этом доме одной, нравилось, что не надо ни с кем спорить и ни перед кем оправдываться.

Однако случившееся с ней наложило отпечаток на ее поведение. Она стала меньше колебаться. Раньше она никогда бы не рискнула позвонить Джошуа Бролену, как поступила теперь. Она поняла, что ей надо преодолеть собственную робость, держаться уверенней, а для этого иногда нужно перебарывать себя. В тот вечер ее охватила грусть, а Бролен вернул ей истинно душевное равновесие. Думая о нем, она поняла, что это произошло не только потому, что в тот вечер он оказался у нее дома, но и оттого, что он привнес с собой нечто: мужское присутствие, к которому, как ей всегда казалось, она была нечувствительна. Его тихий голос, приятные манеры заставили Джульет с легкой ностальгией вспоминать тот вечер.

Вдруг она поймала себя на мысли, что вспоминает Бролена с радостью, что ей хочется снова увидеть его, насладиться его уверенностью и заснуть спокойно, как и тогда.

«Что-то я слишком разревилась, – сказала она себе. – Расскажи я об этом Камелии, так она начнет без усталости твердить, что я качусь вниз по любовному склону». Как следует поразмыслив, Джульет пришла к выводу, что все-таки нет, это не любовь. Она не влюбилась в Джошуа Бролена, просто по-дружески к нему привязалась. Они не виделись несколько месяцев и, вдруг встретившись вновь, со всей очевидностью поняли, что между ними возникла связь. В любом случае, разница в возрасте значила здесь очень много: ему – за тридцать, и Джульет это пугало. В голове у нее как будто снова зазвучал голос Камелии: «В старом котелке и суп вкуснее». Джульет тряхнула головой, стараясь отогнать мысли, сейчас ей больше не хотелось об этом думать.

Быстро взяв пульт, она включила телевизор, чтобы погрузиться в иную реальность, которая наполняет собой тишину, неназойливо – именно это она и любила.

Даже не посмотрев, что в этот момент появилось на экране, Джульет отправилась в кухню, чтобы положить на поднос какой-нибудь еды.

Начало вечера она провела жуя и без энтузиазма уставившись в телевизор. Погрузившись в свои мысли и машинально глядя на экран, она вздрогнула, когда у двери раздался звонок.

Было почти девять часов вечера.

Джульет быстро встала, и вдруг у нее закружилась голова. Ей пришлось прислониться к стене в ожидании, когда головокружение пройдет, и только потом она пошла открывать. Через фрамугу ничего не было видно – уже стемнело. Лампочка над крыльцом перегорела, и Джульет все забывала ее поменять.

– Кто там? – спросила Джульет не так твердо, как ей бы хотелось.

– Это я, Камелия.

Успокоившись, Джульет потянула задвижку и открыла дверь. Камелия стояла на коврике, ее взгляд был жестким, а лицо напряженным. Немедленно поняв, что у подруги что-то случилось, Джульет спросила:

– Что с тобой? Что произошло?

– Я могу войти?

Джульет извинилась и пропустила подругу в прихожую.

– Ясно, ты не слышала новости, – начала Камелия. – Как только я их посмотрела, сразу же сорвалась с места – не хочу оставлять тебя одну.

– Да о чем ты? Что случилось? – снова спросила Джульет, почувствовав, как неведомо откуда в ней рождается, заполняя ее, безотчетный страх.

– Идем.

Камелия увлекла Джульет в гостиную и включила местный телеканал. На экране возникла опушка леса, посреди которой стоял один из репортеров; несмотря на искусственное освещение, было хорошо видно, что его окружает ночная темнота.

«...Вечером один из подростков обнаружил тело, и полиция все еще продолжает работать на месте происшествия, пока я веду свой репортаж. Тело сильно изуродовано, и судя по

пока непроверенным сведениям, полученным от полицейских, некоторые признаки заставляют вспомнить преступления, совершавшиеся в штате около года назад Портлендским палачом».

Джульет почувствовала, как задрожали ее руки.

«На самом деле похоже, что жертве отрезали оба предплечья, хотя эта информация и пока не подтверждена полицией. Стоит вспомнить, что Лиланд Бомонт, Портлендский палач, убил...»

Камелия выключила телевизор и приблизилась к Джульет. Обняла ее.

– Я не хотела, чтобы ты услышала эту новость, будучи совсем одна, пусть даже все это – дело давнее, зная тебя...

Джульет судорожно вздохнула, но потом стала дышать спокойнее.

– Это какой-то больной, страдающий недостатком воображения. Лиланд Бомонт погиб от пули, расколовшей его голову, – прошептала она.

– Да, я знаю... Просто хотела убедиться, что все в порядке и эта новость...

– Все в порядке, – заверила ее Джульет.

Камелия впиалась взглядом в синие глаза подруги, пытаясь понять, говорит ли та правду. Потом предложила:

– Сделаю нам чаю?

Джульет слабо улыбнулась и кивнула.

10

– Понял, капитан. Хорошо.

Бролен отсоединился и засунул сотовый телефон в карман куртки. За его спиной сидел на капоте полицейской машины Салиндро: эта поза была его любимой.

– Ну, что сказал капитан? – спросил он.

– Чтобы я бросил свое расследование по поводу сгоревшего тела и взялся за это.

Бролен нахмурился, очевидно, раздраженный услышанным.

– Полагаю, что мне он приказал возвращаться в управление.

Бролен покачал головой.

– Думаю, он хочет разобраться с этой гнусной историей как можно скорее, пока информация не просочилась в прессу. Но по поводу тебя он ничего не сказал. Можешь возвращаться, если хочешь, а я займусь этим делом.

Салиндро выпрямился.

– Возвращаться, чтобы делать что? Возиться с чердачными мышами и крысами из подвала? Больно надо, у нас и тут дел невпроворот.

Последние лучи дневного света погасли два часа назад. Вдалеке два санитара несли носилки, петляя между прожекторами, установленными на треногах. Эксперты заканчивали делать свои записи и рисовать схемы, собираясь вернуться в минивэн. Бролен наблюдал за этой сюрреалистической сценой: сверхмощные прожекторы среди леса, поляна, по которой одна за другой прокатывались волны красно-синих огней полицейских мигалок, последние вспышки фотоаппарата, треск раций в патрульной машине.

Он чувствовал во рту гнилой вкус пыли, оставшийся после долгих минут, проведенных в лесной развалюхе вместе с трупом в процессе его исследования. Первое, что нужно было сделать, обнаружив тело, – постараться хотя бы приблизительно определить момент смерти. В данном случае трупное окоченение было полным. Бролен знал, что этот феномен (результат спазмов мышц, вызванных химическими реакциями) наступает через двенадцать часов после смерти и исчезает через два дня; в данном случае это означало, что девушка умерла в промежутке от двенадцати до сорока восьми часов назад. Следовательно, следы были еще свежими.

После того, как они осмотрели место происшествия, Бролен вызвал двух экспертов-криминалистов Скотта Скаччи и Крейга Нову. Прежде всего те установили возле домика мощные галогеновые лампы, подключив их к электрогенератору. Затем они внимательно исследовали каждый уголок заброшенного дома. Задействовали весь арсенал. Фонарь «Полилайт», лампа которого позволяла обнаруживать любые биологические следы, электростатический принтер для снятия отпечатков ног, нингидрин, нитрат серебра, черный и фиолетовый кристаллический амидол для выявления любых отпечатков пальцев. Однако место преступления уже успели как следует затоптать, сначала подросток, обнаруживший тело, потом два копа и врач, а затем Бролен и Салиндро. Кроме того здесь в разное время побывало множество бомжей, оставивших повсюду всевозможный мусор. Крейг и Скотт собрали в маленькие пластиковые пакеты невероятное количество образцов: волосы, различные органические вещества, происхождение которых сразу невозможно было установить, а потом принялись с самых разных ракурсов фотографировать место преступления «Полароидом CU-5», потрескивавшим сотней искорок при каждой вспышке. Помимо этого собрали все, что могло помочь эксперту-энтомологу сделать свою работу: установить момент смерти по насекомым, снятым с трупа. Бролен стоял в стороне, пытаясь сосредоточиться. Волнение мешало ему погрузиться в атмосферу места преступления так, как он этого хотел бы, необходимо вернуться позже, но прежде он попросил, чтобы эксперты собрали в доме максимальное количество образцов и сделали то же самое в отношении тела, пока его еще не передвигали. Большую часть времени, проведенного

в ФБР, он занимался изучением отчетов, составленных полицейскими и судмедэкспертами, а также фотографий. Он редко выбирался на место происшествия, и это уязвляло его больше всего. Однако Бролен знал, что возможность вести расследование шаг за шагом, а главное, оказаться там, где жертву убили, – важнейший шанс составить психологический портрет убийцы, потому что позднее ему придется думать, как убийца, чувствовать, как убийца, чтобы понять его логику, а для этого нет ничего лучше, чем попасть туда, где тот нанес удар.

Сейчас Бролен смотрел на озаренных лучами прожекторов санитаров, несущих через лес тело в черном мешке. Один из экспертов-криминалистов, Крейг Нова, подошел к нему. Это был невысокий мужчина лет сорока, с волосами, образовывавшими подобие короны вокруг лысого черепа, выглядевший, несмотря на ситуацию, довольно радостно.

– Сделали все, что могли, но боюсь, придется долго ждать результатов, тут вокруг невероятно много всякого дерьма, – произнес он, промокая лоб платком. – Мы все исследуем, но не жди чуда, мы нашли огромное количество отпечатков ног и волос, и тебе этого хватит на несколько дней чтения. Эти руины – настоящий сквот!

Бролен вздохнул, начало расследования всегда оказывается таким сложным, можно приказывать сделать все что угодно, не располагая при этом ни малейшими точными деталями и уликами. Он надеялся, что хотя бы в предварительных отчетах появится что-то более-менее конкретное.

– И все-таки я могу описать тебе точный промежуток, в который она умерла, – продолжил Крейг.

Он достал из огромного кармана своего комбинезона записную книжку и блокнот, заполненный схемами и запутанными диаграммами.

– Так... так. Ладно, прежде чем измерить температуру при помощи термоэлемента, мы удостоверились, что у нее нет повреждений в области ануса. Я, конечно, не судмедэксперт, но могу тебе, по крайней мере, сказать, что ее не подвергли содомии. Я только что получил информацию с метеорологической станции Портленда, они сообщили мне среднюю температуру воздуха в этом регионе, это 22 °C, она сохранялась с незначительными изменениями на протяжении последних двух суток.

Бролен наизусть знал эту процедуру, связь температурных амплитуд с весом тела: сравнив их и сопоставив с различными корректирующими факторами, можно было попытаться установить приблизительное время смерти. Вопреки тому, что часто можно видеть в кино, установить время смерти не так просто – этот элемент расследования обычно содержит больше всего ошибок.

Крейг Нова продолжал:

– Приблизительно установив вес жертвы – около пятидесяти пяти килограммов, и измерив ректальную температуру, оказавшуюся 26 °C, учитывая, что она была голая, здешнюю влажность...

Крейг Нова открыл блокнот, отыскал нормографическую кривую и таблицу погрешностей. Он провел карандашом три отрезка и кивнул, посмотрев на свои часы, показывавшие уже больше десяти вечера.

– Итак, двадцать часов. Принимая во внимание погрешности, можно предположить, что она умерла прошлой ночью, между двенадцатью и четырьмя часами утра. Это соответствует степени трупного окоченения.

Значит, девушка исчезла прошлой ночью; этот факт поможет установить ее личность, по крайней мере, ее не держали взаперти в течение нескольких предыдущих дней, иначе на запястьях и лодыжках остались бы следы. Крейг щелкнул пальцами.

– Совсем забыл.

Он показал несколько хорошего качества полароидных снимков, запечатлевших лицо жертвы.

– Вот тебе для первичной идентификации, – произнес он.

Бролен взял снимок и засунул его в карман.

– ОК, спасибо, Крейг, держи меня в курсе, как только появится какая-нибудь информация.

– Этим займется Карл Диместро.

Крейг махнул ему рукой и добавил с некоторой иронией:

– Спокойной ночи!

И исчез в своем минивэне, куда его коллега заканчивал укладывать огромные чемоданы с собранными образцами.

Бролен повернулся и увидел Салиндро, поглощенного беседой с офицером Хорнером. Без сомнения, он объяснял ему, что дело будет успешно расследовано, ведь им займется инспектор Бролен. Слишком пространное обещание. Не прошло и трех часов, как он сюда приехал, но чувствовал Бролен себя неважно. У него было время осмотреть тело, что Бролен и сделал с максимальным вниманием, убедившись, что сходство убитой с жертвами палача очевидно. Однако Лиланд Бомонт уже больше года покоился на глубине шести футов под землей. Стал пищей для червей. Тем не менее у него появился последователь: не было никаких сомнений, что это – своеобразный знак обожания. Тот, кто это сделал, желал показать, что он ценит «творчество» Лиланда Бомонта. На жаргоне таких называли сорусат, «подражатель» – этот тип серийного убийцы встречается очень редко, но при этом он крайне опасен, поскольку мотивация его поступков произрастает из смеси ревности и обожания по отношению к какому-либо знаменитому убийце, что вынуждает убивать в похожей манере, но при этом подражателю обычно хочется превзойти «учителя» по количеству жертв. А Портлендский палач, по независящим от него обстоятельствам, остановился на цифре «три».

Бролен покачал головой, слишком рано делать какие-либо выводы. Ему предстоит кропотливо изучить отчет судмедэксперта и снимки жертвы, сделанные на месте преступления.

Словно чувствуя, что от его компетентности ожидают многого, судмедэксперт, делавший первоначальный осмотр, приблизился к Бролену. Этот медик работал в подчинении у доктора Фольстом, как и все городские судмедэксперты. Подумав об этом, Бролен не смог сдержать внутренней улыбки: он вспомнил выражение ее лица в тот момент, когда он сказал ей, что ему срочно нужно уйти.

– Крейг должен был сказать вам, что мы установили приблизительное время смерти. Определеннее можно будет сказать после вскрытия. – Судмедэксперт колебался, как будто хотел удостовериться, что никто их не подслушивает, и добавил: – Видели, что ей воткнули между ног? – Бролен молча кивнул, глядя на медика. – Какому психу могло прийти в голову нечто подобное? – спросил эксперт.

– Долбаный извращенец! – бросил Салиндро, приближаясь к ним. – Долбаный извращенец!

Вдали захлопали двери автомобилей, некоторые из них стали уезжать.

– Ладно, вскрывать ее будем завтра, скорее всего во второй половине дня. Вы будете присутствовать? – спросил медик.

Салиндро закудаhtал:

– А что, увиденного нами сегодня не достаточно?

– Я приеду. Скажите судмедэксперту, чтобы он меня дождался, я буду после полудня, – предупредил Бролен бесцветным голосом.

Присутствие при вскрытии могло дать ему дополнительное понимание механизмов поведения убийцы. Это лучше, нежели чтение отчета – возможность следить за восстановлением деталей *de visu*, сопоставляя каждую рану с очередным жестом убийцы, а потом – с управлявшими им эмоциями. Конечно, ничего приятного в этом не было, побывав на некотором количестве вскрытий, он прекрасно представлял себе, что подобные процедуры оставляют негатив-

ные впечатления, болезненный осадок, от которого много ночей подряд не получается уснуть. «Все возвращается на круги своя», – подумал он, вспомнив, как ему удалось избежать сегодня днем общения с доктором Фольстом.

Салиндро смотрел на него, вытаращив глаза.

– В любом случае, если шеф узнает, что я поехал туда вместе с тобой, он отправит меня сортировать почту, – заметил Салиндро. – Жаль, но тебе придется ехать одному, друг мой.

Судмедэксперт показал на автомобиль «скорой помощи», стоявший вдалеке.

– Мне надо отвести молодку в холодильник, буду держать вас в курсе относительно результатов вскрытия, – произнес он, удаляясь в сторону машины.

Салиндро все еще смотрел на Бролена. Тот был совершенно погружен в свои размышления и, не мигая, глядел перед собой.

– О чем ты думаешь? – спросил Салиндро, подтягивая ремень, поддерживавший его толстый живот.

Поднялся легкий ветерок. Ночь медленно накрывала лес своим прохладным покрывалом. Последние проблесковые маячки исчезли вдали, и двое мужчин остались в почти крошечной темноте, едва разрезаемой светом, горевшим в салоне «Мустанга». Контраст между суетой, наполнявшей лес на протяжении нескольких часов, и постепенно воцарявшимся спокойствием и был разительным. Исчезли мощные прожектора, а вместе с ними бесстыдный свет, озарявший место преступления. Природа снова стала осторожно вступать в свои права, понемногу опуская на лес темную, таинственную пелену.

Бролен ответил не сразу:

– Тип, который это сделал. Я спрашиваю себя, чем он сейчас занимается...

11

Одеколон обжигал кожу свежесбранных щек. Поспав всего пять часов, Бролен приехал в Главное полицейское управление в семь тридцать, одетый во все чистое, но еще не проснувшийся окончательно.

Он не стал задерживаться на первом этаже и как можно скорее сел в лифт, чтобы не слышать воплей задержанных ночью. На шестом этаже в отделе по расследованию уголовных преступлений обстановка была поспокойнее – по крайней мере, на первый взгляд. Не заходя к себе в кабинет, Бролен напрямик отправился в Отдел по установлению личностей. Несколькими часами ранее, перед тем как вернуться домой, он оставил там полароидные снимки жертвы – для сравнения со снимками всех пропавших без вести.

Макс Лейрнер по-прежнему находился там, именно ему Бролен отдал ночью фотографии. При виде Бrolена на лице Лейрнера появилось разочарованное выражение, слегка усиленное чувством усталости.

– Сожалею, но пока ничего. Я сравнил твои снимки со всеми, которые у нас есть, и даже с теми, что хранятся в картотеке несовершеннолетних, но это ничего не дало, – произнес он прежде, чем Бролен успел хоть что-то сказать.

– Ты отправил запрос в национальную картотеку? – спросил Бролен.

– Да, но и там тоже пока ничего нет.

Бролен закусил губу. Если эта женщина – из Калифорнии или Айдахо, ФБР точно заберет дело себе, ссылаясь на то, что оно вышло за пределы юрисдикции штата.

– Позвони мне, если хоть что-то появится, и попроси сделать это тех, кто тебя сменит.

Макс Лейрнер кивнул, и Бролен направился к себе в кабинет. Он был напряжен, плохо выспался и знал, что день будет трудным и утомительным. Сегодня должны были появиться первые заключения – от судмедэксперта, из отдела по установлению личностей, от команды, занимавшейся поиском потенциальных свидетелей. Бролен знал, что в первые сутки с момента обнаружения тела становится ясно, в какую сторону пойдет расследование, – будет ли это по-настоящему плодотворная работа или бездонная куча дерьма.

Зайдя в кабинет, он с удивлением обнаружил на столе коробку с пончиками. Ни мгновения не колеблясь, он сразу понял, кто ее принес. Салиндро что, никогда не спит? Он должен был сейчас разбирать отчеты ночных патрульных служб вместе с несколькими постовыми. На коробке было нацарапано вкривь и вкось: «Встреч. в 8 утра, в кабинете кптн – совещание». Бролен сразу же узнал почерк друга.

Несколько минут спустя он толкнул дверь, на которой висела табличка с трафаретной надписью «Кптн. Чемберлен», сообщавшей о том, в чьи именно владения попадал всяк сюда входящий. Капитану было под пятьдесят. Высокий и худой, он был нервозен – натянутый, как струна – мужчина с лицом, изборожденным подвижными морщинами, и с черными усами над верхней губой. Но он великолепно руководил своим отделом «железной рукой», но при этом в достаточной степени заботился о своих подчиненных, за что они уважали его. Едва поступив на службу, Бролен понял, что им удастся слышать друг друга, и хотя за прошедшие два года дружба между ними так и не завязалась, это впечатление постепенно превратилось в уверенность.

В комнате уже находились несколько человек, и несмотря на ранний час, над головами висел табачный дым. Кроме капитана Чемберлена, возглавлявшего отдел по расследованию уголовных преступлений, здесь находились его помощник Ллойд Митс, Салиндро и еще двое мужчин в костюмах-«тройках», которых Бролен никогда раньше не видел. Кивком поприветствовав собравшихся, он присоединился к ним, усевшись за большой стол.

– Инспектор Бролен, это – окружной прокурор Глейт и Бентли Котленд... – Мгновение капитан Чемберлен размышлял, словно подбирая слова, а затем продолжил: – Который в ближайшее время будет назначен помощником окружного прокурора.

Бролен поморщился. Присутствие прокурора Глейта можно было бы объяснить: в конце концов, тот находился в самом сердце судебной городской системы, однако то, что вместе с ним здесь оказался еще не утвержденный в должности его помощник, коему здесь делать было нечего, особенно во время совещания по важному делу, не говорило ни о чем хорошем. Словно в подтверждение его мыслей капитан Чемберлен повернулся к Бролену и произнес:

– Эти господа тут, чтобы наблюдать за ходом следствия, и главное – чтобы помощник Котленд мог ознакомиться с тем, как мы работаем, прежде чем он приступит к исполнению своих служебных обязанностей.

Бролен мысленно выругался. Какого хрена эти бюрократы суют свои носы в его дела? Ему и так есть чем заняться.

Почувствовав раздражение Бролена, капитан взглядом приказал ему молчать.

Слово взял окружной прокурор Глейт. В первую очередь он был политиком, поэтому говорил медовым голосом, но при этом достаточно твердым, хотя и лишенным какой-либо агрессивности. В этом сорокалетнем крепыше Бролен разглядел жажду власти, его глаза горели циничным блеском, присущим амбициозным людям.

– Мы не хотим вас лишней раз беспокоить, просто нам необходимо, чтобы вы немножко помогли моему помощнику войти в курс дела. Я хочу, чтобы он смог занять свою должность, полностью разбираясь в том, как работает наша полиция – с теоретической и практической точки зрения. Вот почему он присоединяется к вам, инспектор Бролен, на все время расследования. Не очень долгого, надеюсь, не так ли?

Бролен почувствовал, как от гнева зашекотало в носу. Но, хорошо понимая, кто находится перед ним, он сдержался.

– Прокурор Глейт, сейчас я не могу дать вам точный ответ. Вы же знаете: следствие – это не политическая компания, его невозможно заранее расписать до мелочей. Мы будем двигаться вперед с той скоростью, с какой сможем находить новые следы и улики. – Он заметил, что прокурор поморщился при его словах, но при этом на лице Глейта появилось политкорректная улыбка. – Должен также добавить, – продолжил Бролен, – что это может быть опасно, и мы не гарантируем...

Прокурор Глейт прервал его жестом руки.

– Бентли Котленд не будет сопровождать вас на выездах, во всяком случае, когда дело дойдет до задержания преступника. Он будет наблюдать за расследованием издалека, я лишь прошу вас согласиться на его присутствие в качестве наблюдателя или ученика, как пожелаете.

Это была не просьба, но приказ, никто даже не сомневался в этом. Однако Бролен уловил некоторую фамильярность, с которой прокурор говорил о своем помощнике: он называл его по имени и ясно давал понять, что покровительствует ему. В течение нескольких секунд Бролен размышлял над тем, что связывает этих мужчин между собой, ведь разница в их возрасте составляла не менее двадцати лет. Может, они – отец и сын или... Бролена оторвал от его мыслей голос капитана.

– Хорошо, а теперь вернемся к интересующей нас теме, – произнес Чемберлен, не желавший слышать какие-либо возражения. – Факты таковы. Вчера, в восемнадцать часов с минутах подросток нашел изуродованное тело женщины, личность которой все еще не установлена. Предварительный осмотр тела показал, что повреждения похожи на те, что наносил своим жертвам в прошлом году Лиланд Бомонт, прозванный Портлендским палачом. Принимая во внимание факт, что следствие по его делу было завершено стараниями инспектора Бролена, наши коллеги из Юго-Западного округа решили нас предупредить.

Чемберлен повернулся к Бролену.

– Если не ошибаюсь, вы подтвердили, что речь идет о похожих увечьях.

Бролен кивнул:

– Я пока жду результатов вскрытия, дабы полностью удостовериться, но да, это очень напоминает почерк Лиланда. Аккуратные разрезы на уровне локтей и особенно ожог от кислоты на лбу. Именно он беспокоит меня сейчас больше всего.

Бентли Котленд, до сих пор хранивший молчание, внезапно спросил:

– Почему?

Бролен внимательно посмотрел на него. Он не знал этого человека. Но уже чувствовал раздражение. Слишком самоуверенный, одетый в сшитый точно по размеру костюм-«тройку», с прекрасно уложенными волосами, разделенными посередине безупречным пробором. Он выглядел очень молодым, наверняка только что окончил университет. Будучи ненамного старше, Бролен был начисто лишен подобного высокомерия.

Решительно, слишком «зеленый», чтобы быть помощником окружного прокурора.

– Потому что никто не знает, что Портлендский палач жег кислотой лоб своим жертвам, – вмешался Салиндро. – Мы сделали все, чтобы скрыть от прессы этот факт, и даже по окончании расследования ни разу не упоминали эту мрачную деталь.

Казалось, Бентли Котленд не удивился.

– Думаю, это все упрощает. Если никто другой, кроме вас и убийцы, не знал про кислоту, а тут вы находите тело, на котором имеется эта характерная особенность, значит, можно не сомневаться, что это сделал именно он. То есть я хочу сказать... Правда, я полагал, что Лиланд Бомонт был застрелен...

Бролен вздохнул про себя. «Невероятно! – подумал он. – В наше распоряжение отдали аса дедукции. Настоящего мудака, наизусть знающего законы, но не способного ничего разглядеть в мутной воде!»

– Так и есть, – подтвердил Салиндро, – Лиланд Бомонт мертв и похоронен.

– Тогда кто же мог знать про кислоту? Полицейские? – спросил Бентли Котленд, явно гордясь тем, что участвует в расследовании с самых первых шагов.

Бролен начал догадываться, почему ему доверили Бентли Котленда. «Очередной папенькин сынок, которого сбросили с отцовским парашютом в то место, где ему все незнакомо, и где он натворит много всего нехорошего», – заключил инспектор.

– Ладно, сейчас не время для поспешных выводов, – обронил Чемберлен, обводя взглядом собравшихся. – Бролен, занимайтесь своей работой, Митс неотлучно будет у вас под рукой, как и Салиндро, кроме того, в вашем распоряжении будут патрульные полицейские, которые смогут прочесать любую местность. Господа, я бы хотел, чтобы это дело было закрыто как можно скорее, и главное, чтобы мы не наделали ошибок: можно не сомневаться, что в этот раз пресса будет ходить за нами по пятам. Поэтому без глупостей.

Он посмотрел на окружного прокурора.

– Прокурор Глейт, хотите что-то добавить?

Глейт встал.

– Хочу поблагодарить всех за сотрудничество и пожелать вам удачи.

Его взгляд замер на Бролене. Затем он попрощался и вышел из кабинета. Остальные двинулись следом, и тут капитан окликнул Бролена.

– Да, капитан?

– Задержитесь на мгновение, мне нужно переговорить с вами с глазу на глаз.

Бролен подождал, пока все выйдут, и прикрыл дверь.

– Я знаю, что вы не хотите, чтобы этот Бентли был с вами... – Бролен кивнул и хотел ответить, но Чемберлен знаком остановил его и немного повысил голос: – У вас нет выбора, как нет его и у меня. Бентли Котленд – племянник прокурора Глейта, потому-то он и был назначен на эту должность в столь юном возрасте.

Стало понятно, откуда проистекает эта фамильярность в отношениях между прокурором и его молодым помощником. Бролен с досадой кивнул, и капитан Чемберлен продолжил:

– Глейт определяет погоду в городе, говорят, он дергает за ниточки самого мэра – вроде как из-за истории со взяткой, которую тот получил во время муниципальных выборов. А мэр ведь – наш непосредственный начальник.

Чемберлен обошел вокруг стола, вновь остановился перед Броленом. И положил руку инспектору на плечо.

– Все, о чем я вас прошу – потерпите несколько дней, таскайте его повсюду с собой, и если он не сможет нормально выспаться в течение недели, потому что будет присутствовать на вскрытиях и при детальной проработке обстоятельств убийства, он сам попросится у дяди, чтобы тот отправил его обратно в кабинет. – Бролен молча сглотнул. – У нас действительно нет выбора, поэтому я рассчитываю на вас, Бролен.

Чемберлен дружески похлопал его по плечу.

– И умоляю, избегайте любой шумихи.

12

Профессор Томпсон постучал ручкой по черной доске.

– «Стокгольмский синдром» – это, если так можно выразиться, феномен парадоксального поведения, – пояснил он, указывая на нарисованную мелом схему. – Пример того, как может измениться отношение жертвы к своим агрессорам. Назван в честь шведской столицы, где в 1973 году имел место захват заложников, в ходе которого заложники стали постепенно проявлять симпатию, а затем полное доверие к своим похитителям. Дошло даже до того, что в момент своего освобождения они стали, по сути, посредниками между полицией и похитителями, после чего отказались подавать заявления и свидетельствовать против них в суде. Наконец, и это очень показательно, одна из жертв несколько лет спустя вышла замуж за своего похитителя.

Аудитория была потрясена этой невероятной историей, показавшейся бы совершенно нереальной и смешной, будучи воспроизведенной в каком-нибудь фильме.

Джульет смотрела на доску, но совершенно не слушала преподавателя. Год назад она уже посещала этот учебный курс, и то, что говорил профессор Томпсон, с тех пор не сильно изменилось. На глазах Джульет как будто лежала пелена глубокой задумчивости, ее переполняли эмоции. Она ничего не слушала и не слышала. Ее снова захлестнула тревога, зародившаяся, когда она услышала новость о преступлении, похожем на те, что совершал Портлендский палач.

Лиланд Бомонт.

Он умер: Джульет прекрасно помнила, как обмякло его тело, когда большую часть черепа снесла пуля Джошуа Бролена. Наверняка, пресса раздула весь этот шум в погоне за сенсацией, кривя против правды. Явно окажется, что это преступление не так уж и похоже на те, предыдущие, как это стремятся обставить сейчас. Внимание журналистов вскоре переключится на арест убийцы, несчастного типа, даже отдаленно не похожего на Лиланда Бомонта. «Это совершенно в их манере», – подумала Джульет.

Прошлую ночь Камелия провела у нее дома, дабы удостовериться, что Джульет не сильно шокирована свалившейся ей на голову новостью. А на самом деле? Удалось ли ей хотя бы чуть-чуть побороть нахлынувшее волнение?

Конечно, нет. «У тебя кровь стынет в жилах от простого воспоминания о Лиланде Бомонте, – мысленно говорила себе Джульет. – Признайся, тебе страшно, да, именно так!»

Она заметила, как дрожит рука – так же, как дрожала ночью, когда в доме раздался какой-то треск: Джульет проснулась. Камелия спала. Порыв ветра ударил в западную стену дома – и больше ничего.

Профессор Томпсон начинал понемногу горячиться. Джульет краем уха уловила, как он что-то сказал про «прямую и косвенную виктимизацию», даже не пытаясь вспомнить, что в точности означает этот термин.

«Я не должна была опять приходить сюда, – подумала Джульет, – я просто тупица! Хочу получить лицензию на психосоциальную практику, а при этом даже самой себе не могу поставить диагноз! Надо мне было остаться утром дома, как советовала Камелия».

Однако первое фундаментальное правило психоанализа она помнила прекрасно: нельзя подвергать анализу себя или своих близких, ибо в этих случаях невозможно достичь объективности.

«Поеду-ка я домой, заварю крепкого, горячего чая и засяду за учебники, чтобы наверстать все упущенное, а вечером приму снотворное и крепко засну. А завтра все будет намного лучше».

В этот момент она ощутила в душе какое-то сомнение, словно что-то мешало ей договориться с собой, но она не поняла, что именно.

Вокруг все стали подниматься – Джульет даже не слышала, как закончилась лекция. Знакомый студент, – его звали Томас то ли Блок, то ли Брок, улыбаясь, приблизился к ней.

– Я наблюдал за тобой во время лекции, и мне показалось, что Томпсон не сильно тебя увлек! – заявил он. Джульет спрятала в сумочку целомудренно чистый блокнот и смущенно улыбнулась юноше в ответ. – Мне показалось, ты не записывала то, что рассказывал Томпсон, – продолжал он, – если хочешь, можем пойти в кафетерий, я покажу тебе свои записи.

Он казался искренним: внешность серфингиста, длинные белые волосы, матовая, золотисто-коричневая кожа, как у тех, кто все лето напролет проводит на пляжах Калифорнии. Он смотрел прямо, улыбался естественно, и в его облике было даже что-то приятное. Возможно, при других обстоятельствах Джульет и приняла бы его предложение.

– Ты очень милый, но нет, не нужно, – ответила она, накидывая ремешок сумки на плечо. – Я уже слушала этот курс в прошлом году, и теперь просто... кое-что уточняю и припоминаю.

Она направилась к выходу, где толкались и зубоскалили другие студенты.

– Ок, я понимаю. Я пишу курсовую на тему «Стокгольмский синдром – пример парадоксального поведения» и, если хочешь, могу помочь тебе разобраться в некоторых нюансах... – все-таки не сдавался Томас.

Джульет остановилась и повернулась к нему.

– Послушай... Томас. Я действительно тронута твоим участием, но сейчас не лучший момент. Если бы ты мог оставить меня в покое... Спасибо.

И, повернувшись к нему спиной, Джульет уже собиралась исчезнуть, когда он неожиданно бросил ей в спину:

– Это из-за вчерашнего ужасного убийства, так? Я знаю, что с тобой произошло в прошлом году, мне рассказывали, и...

Застыв на мгновение с разинутым ртом, Джульет почти сразу же пришла в себя.

– Нет, ты ничего не знаешь об этом! – гневно бросила она. – Отстань от меня.

Резко повернувшись, она быстро направилась к выходу в плохо освещенный коридор. Джульетт чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и сжимала кулаки так сильно, что ногти впивались в кожу ладоней. Они что, не могут отцепиться, забыть про нее? Благодаря прессе, ходившей год назад за ней по пятам, к девушке приклеилась «слава» жертвы похищения, и многие в университете узнавали ее в лицо; к счастью, этот интерес сошел на нет так же быстро, как и возник. Но неужели ей придется каждый раз чувствовать, как подкашиваются ноги, едва на память приходит случившееся? Все, чего она хотела, – успокоиться. И чтобы о ней забыли.

Оказавшись на улице, Джульет глубоко вдохнула прохладный воздух, стараясь прийти в себя. Небо было серым, по нему плыли густые облака, наступал октябрь со своим кортежем из гроз и дождей – каждый год одно и то же. Джульет пожалела, что была резка с этим бедным парнем. Он, конечно же, не хотел ее обидеть, она сама все неправильно истолковала. Быть может, он просто старался ей помочь.

«Решительно, ты все время лажаешь», – упрекнула она себя.

Рядом, в телефонной кабинке, какая-то молоденькая студентка громко засмеялась, и Джульет вздрогнула от неожиданности.

«Блин, мне и вправду нужно поскорее вернуться домой и расслабиться».

Однако мысль вновь оказаться в одиночестве в огромном доме ее не слишком радовала: как только к ней начнут подкрадываться первые тени сумерек, она сразу же вновь станет вздрагивать от малейшего шума. И не сомкнет глаз всю ночь.

В первый раз за долгое время Джульет пожалела, что родители уехали, и что она отказывалась следовать их советам. Но мать замучила бы ее вопросами, стараясь удостовериться,

что с дочерью все в порядке, боялась бы даже дышать в ее сторону, а ей сейчас нужно было совсем не это.

Перед глазами Джульет возник образ Джошуа Бролена, она вспомнила приятное чувство, зародившееся в ней в его присутствии, его чувство юмора, вселявшее в нее уверенность и снова научившее улыбаться. Ему не надо рассказывать о том, что именно ей пришлось пережить, он и так это прекрасно знал; подобная мысль успокаивала Джульет. Она все чаще и чаще вспоминала Бролена.

Не задавая себе больше никаких вопросов, девушка пересекла лужайку возле кампуса и вошла в первую попавшуюся свободную телефонную кабинку. В справочной службе она узнала номер Криминального отдела полиции Портленда, дозвонилась в Главное управление и сумела узнать прямой номер инспектора.

- Криминальный-отдел-слушаю, – произнес в трубке механический женский голос.
- Я бы хотела поговорить с инспектором Броленом, если можно, – попросила Джульет.
- Как вас представить?
- Джульет Лафайетт.
- Не-кладите-трубку-пожалуйста.

Джульет прижалась к стеклу, и ждала. Несколько минут спустя в трубке вновь раздался голос телефонистки:

- Его сейчас нет на месте, я могу ему что-нибудь передать?
- Ну... нет, это не срочно, спасибо.

Джульет отсоединилась и попробовала позвонить Бролену домой, но там включился автоответчик. Джульет сопротивлялась внезапно возникшему желанию дослушать записанное на пленку сообщение до конца и сдалась. С грустью уронила голову на грудь.

«Я не могу постоянно надоедать ему подобным образом. Нужно взять себя в руки и не поддаваться минутным слабостям. Все это уже в прошлом, все давно закончилось, и я не должна, услышав первую же новость, терять голову. Мне надо быть сильной. Я как следует выплакалась, и сейчас наступил момент поднять голову, начать новую жизнь, не беспокоиться по какому-либо другому поводу. – Она глубоко вздохнула. – Это испытание, тест, который должен помочь мне окончательно выздороветь, – повторила она про себя. – Если я пройду его в одиночку, то смогу поставить окончательную точку в этой истории и больше никогда не стану сходить с ума из-за нее».

Поправив ремень сумочки на плече, она двинулась в сторону машины.

...Синий «Жук» свернул к Шенандоа-террас, музыка наполняла салон. Джульет слушала «Битлз», когда вдруг заметила припаркованный у ее дома минивэн. Она притормозила.

Из крыши микроавтобуса торчали пучки антенн и несколько «тарелок», похожих на металлические одуванчики. На боку минивэна красовался логотип местной телекомпании KFL.

Журналисты явились по ее душу. Они наверняка терпеливо ждут ее, сидя в своем микроавтобусе и, когда она появится, тотчас выпрыгнут наружу и забросают ее вопросами. Особенно им хочется знать, как Джульет встретила новость о появлении типа, подражающего Портлендскому палачу. Быть может даже они надеялись, что Джульет заплачет и им удастся снять какую-нибудь душераздирающую сцену, которая могла бы стать сенсацией.

Девушка внимательно разглядывала минивэн, чей двигатель работал на холостом ходу. Из приоткрытого окошка водителя поднимался дымок, а потом она увидела, как рука выкинула на проезжую часть окурок.

- Они ничего от меня не добьются, – процедила она сквозь зубы.

«Жук» выехал задним ходом на Камберленд-роуд и направился в сторону Северо-Западного округа. Всего несколько минут спустя машина остановилась на вершине холма, откуда,

как на ладони, был виден весь город. В пятистах метрах справа находился лес, за которым располагалась вилла Джульет; сомневаться не приходилось: белый минивэн все еще торчал возле дома. Девушка повернулась и поднялась на крыльцо дома Камелии.

Если журналисты хотят заставить ее говорить, им придется запастись терпением и провести всю ночь на свежем воздухе.

13

Бролен вошел в свой кабинет и увидел там Бентли Котленда, послушно ожидавшего возле стеклянной перегородки. Солнце отбрасывало искры света на его костюм-«тройку», и Бролен не смог удержаться от гримасы, увидев, как помощник прокурора замер, скрестив руки и любуясь своим отражением в стекле.

– Ладно, как мне лучше вас называть? Помощник прокурора Котленд? – проигнорировав приветствие, произнес Бролен.

– О нет, это слишком официально, – улыбнулся Котленд. – Зовите меня Бентли. Я хотел бы, чтобы мое присутствие среди вас было как можно более незаметным...

«Это слишком официально. Он собирается общаться со мной, используя любые риторические фигуры, которые наверняка хорошо знает, чтобы дать мне понять, что он – дорогой костюм, а я – пара кроссовок, увязших в дерьме!» – подумал Бролен, который все никак не мог смириться с идеей терпеть Бентли рядом на протяжении всего расследования.

– Отлично, Бентли. Я – Джошуа.

«Бентли. Откуда взялось это имя?» – Бролен внимательно разглядывал молодого человека, стоявшего напротив него. Самое большое – тридцать лет, донельзя высокомерный педант, прямиком из большого университета, как минимум магистр права. Черные волосы с густым слоем бриллиантина напоминают металлические стержни, а двойной подбородок делает его еще смешнее. «Первый образец человека-мутанта?» – усмехнулся Бролен про себя.

– С чего же мы начнем? – спросил Бентли.

Бролену вдруг стало стыдно. Возможно, Бентли и папенькин-сыночек-сверх-всякой-меры, с которым невыносимо находиться рядом, но сейчас тот попал в самую точку. Он не тратил время на какие-то отвлеченные рассуждения. Действительно, пора было как можно скорее приниматься за расследование.

– Прежде всего, распределим обязанности среди тех, кто занимается этим делом.

Бролен подошел к телефону и, набрав номер Ллойда Митса, попросил зайти. Затем он позвонил и Салиндро.

– Лейтенант Салиндро наделен полномочиями участвовать в расследовании? – удивился Котленд.

Секунду поколебавшись, Бролен ответил совершенно искренне.

– Ларри Салиндро – безусловно, обладает большим чутьем, чем многие инспекторы с этого этажа, и его присутствие может принести нам большую пользу. Кроме того, он знает город лучше, чем кто-либо из здешних, это тоже может нам пригодиться.

Котленд медленно кивнул в знак согласия, но Бролен не обманулся выражением его лица: тому не понравилось, что имеет место нарушение правил.

Ллойд Митс вскоре зашел в кабинет Бролена, почти сразу же к ним присоединился и Салиндро, единственный из четырех мужчин одетый в форму. Все расположились вокруг большого стола для совещаний. Кабинет Бролена был просторным, в нем стояли стеллажи, заваленные папками, в углу находилась софа, предназначенная для тех моментов, когда приходилось оставаться здесь на ночь, стены были покрыты бумажными листками с самыми разными пометками. Своеобразный центр нервной системы, где сходились импульсы всех дел, которые вел Бролен. Его личный командный пост.

Обросший черной бородой Ллойд Митс занял место в конце стола, возле Бентли Котленда, тем временем Салиндро закрыл жалюзи, благодаря чему комната погрузилась в спокойный полумрак.

– Итак, что нам в настоящее время известно об этом деле? – спросил Бролен, открывая тонкую папку.

Салиндро втянул живот и, не заглядывая в записи, стал рассказывать:

– У нас есть жертва, девушка примерно двадцати лет, личность которой не установлена, она была убита неизвестным в ночь со среды на четверг. Надо отметить, что ее тело было подвергнуто тем же ритуальным увечьям, что и жертвы Лиланда Бомонта, прозванного Портлендским палачом. Этот метод я бы назвал своего рода «индивидуальным».

– Поскольку у нас пока нет отчета судебно-медицинского эксперта, давай не будем горячиться, ладно? – прервал его Митс. – Мы еще не знаем, отчего она умерла, а также какие именно увечья нанес ей убийца.

– Ллойд, я ведь ее видел и могу тебя заверить, что руки у нее отрезаны по локоть. И на лбу – след кислоты, – с мрачным видом поправил его Бролен. – Это почерк Лиланда.

Митс провел рукой по бороде, скрывавшей его щеки.

– Все знали, что руки служат для него фетишем, СМИ неплохо на этом поживились. Но откуда кислота на лбу? Кто еще был в курсе, кроме нас? – спросил он.

– Не так уж и много людей. Те, кто занимался расследованием в прошлом году, то есть около двадцати человек, включая Бролена и меня, – сказал Салиндро.

Бролен кивнул и добавил:

– Всегда существует вероятность утечки информации, никогда нельзя поручиться на счет слишком разговорчивого паренька, работающего в морге, или копа, который хочет тайком заработать немного денег, но если СМИ не упоминали об этом, значит, у них не было такой информации – обычно они не молчат о подобных вещах, у них не принято делать нам такие подарки.

– За неимением лучшего это наш след, – произнес Митс, делая пометки в своей записной книжке. – Надо начать с составления списка всех, кто имел доступ к этой информации, тогда мы сможем попытаться понять, были какие-либо утечки или нет, – добавил он не слишком уверенно.

– Это гигантская работа, если учесть, что все это случилось год назад, и некоторые полицейские, которые были в курсе дела, могли рассказывать о нем по крайней мере своим близким, – заметил Бролен. – Нет, я думаю, что это – из области невозможного.

– И что ты предлагаешь?

Митс смотрел на него, ожидая ответ.

– Сначала я хочу посмотреть отчет судмедэксперта, тогда мы увидим, насколько точно убийца копировал манеру Портлендского палача. Если действительно будут какие-то сходства с делом Лиланда Бомонта, то нам это станет ясно. – проговорил Бролен и повернулся к Салиндро. – Ларри, я хотел бы, чтобы патрульные прочесали тот угол Вашингтонского парка и задали встречным несколько вопросов, особенно завсегдатаям. Пенсионерам, которые там бывают в одни и те же часы, мамочкам, прогуливающим там своих чад. Чтобы наши люди уточнили, не видел ли кто-нибудь чего-либо подозрительного в среду вечером или рано утром в четверг. Наверняка там есть эти сумасшедшие бегуны, которые носятся по парку перед тем, как отправиться на работу. Пускай одна из машин постоянно проезжает в непосредственной близости от места преступления. У этого убийства – ярко выраженный сексуальный подтекст, и возможно, человек, которого мы ищем, шатается неподалеку, дабы снова испытывать возбуждение. Как только появится хоть один подозрительный тип, я хочу, чтобы его прищучили и задали ему множество вопросов. Если он по-прежнему будет вызывать подозрения, придется с ним поработать. – Салиндро кивнул, соглашаясь. – Кроме того, надо поговорить с парнишкой, нашедшим труп. Где он сейчас?

Ллойд Митс зажег сигарету, и завитки дыма проникли в ноздри Бролену. Бросив курить полтора года назад, он все еще плохо переносил запах никотина.

– Думаю, что сегодня он не в школе, – ответил Митс, выдыхая дым, – с ним должен сейчас находиться кто-нибудь из нашей психологической службы, потому что, кажется, случившееся здорово его потрясло.

– Такое может случиться и от меньшего, – прокомментировал Бролен. – Ладно. Пусть кто-нибудь попытается снять с него показания, быть может, он что-то видел – то, чего мы не заметили прямо у себя под носом. Лучше отправить к нему женщину, чтобы он не так волновался.

– Лесли Таудам из отдела по работе с несовершеннолетними, – предложил Митс. – Она великолепно для этого подходит.

– Отлично, – согласился Бролен. – А я пока поеду в Институт судебно-медицинской экспертизы. Встречаемся вечером, в этом кабинете, чтобы все обсудить.

Митс и Салиндро встали. Бентли, с начала совещания не проронивший ни слова и теперь увидевший, что каждый из присутствующих сразу же намеревается приступить к своей части работы, неуверенно спросил:

– А мне что делать?

Бролен и Салиндро переглянулись.

– Вы поедете со мной, – ответил молодой инспектор, – Вам будет полезно поприусловствовать при вскрытии.

Бентли Котленд сник, как ледышка под солнечными лучами.

14

Двое мужчин шли по зеленому линолеуму подвала, в котором располагался морг. Бентли чувствовал себя неуверенно, ему казалось, что эхо их шагов разносится очень далеко, отчего подвал казался просто гигантским – почти фантастических размеров. Ему не нравились ни стены из красного кирпича, ни длинные трубы отопления, цеплявшиеся за потолок и раскалившиеся докрасна позади защитных экранов. На самом деле ему не по душе были даже маленькие белые светильники, испускавшие тусклый свет: по мнению Бентли, они горели слишком слабо. Конечно, место было своеобразным, однако здесь царила по-настоящему удушливая атмосфера, атмосфера... да, смерти. Бролен опередил его на несколько шагов, и Бентли тоже пришлось прибавить скорость: он совершенно не хотел дать слабину.

Бролен без предупреждения резко затормозил и свернул влево. «Кажется, он неплохо разбирается в том, как устроено это здание», – подумал Бентли. Когда они приехали сюда, инспектор просто спросил у охранника, где будет происходить вскрытие девушки, которую привезли прошлой ночью. Очевидно, тот знал его в лицо и без лишних слов догадался, о чем идет речь: он куда-то позвонил и уточнил информацию. Потом добавил, что вскрытие будет лично проводить доктор Фольстом, после чего инспектор Бролен надолго погрузился в молчание. Из этого Бентли сделал вывод, что услышанное не понравилось инспектору, однако не рискнул спросить. Ему хотелось избежать проблем, поскольку он прекрасно понимал, что его присутствие в Криминальном отделе не воспринимается сотрудниками, как нечто приятное и само собой разумеющееся; стало быть, все, что его могло сейчас интересовать, – узнать как можно больше о том, как функционируют механизмы судебно-правовой системы, и при этом не нажить себе врагов. Для будущего помощника прокурора в этом состоял очевидный путь к успеху. Как следует показав себя в новой должности, он имел все шансы выдвинуть свою кандидатуру на ближайших выборах. Заглядывая далеко вперед, Бентли Котленд с удовольствием представлял, как сделает яркую карьеру по юридической части, а потом, почему бы и нет, – займет пост мэра или даже сенатора.

В самых современных моргах двери открываются механически, при нажатии на огромную кнопку, после чего глазам предстают коридоры из фильма «Звёздный путь». Но в Портленде все еще царила эра простых хлопающих дверей, напоминающих атавизм типа двойных створок какого-нибудь салуна.

Войдя вслед за Броленом в просторный зал, Бентли настолько погрузился в свои карьерные планы, что чуть было не получил по лицу распахнувшейся в его сторону дверью.

Линолеум сразу же уступил место коричневой плитке. Помещение было функциональным, с вешалкой на входе и мебелью из нержавеющей стали; здесь же стояли два больших бака, предназначенные для декантации и дезинфекции, горел яркий свет, а посередине комнаты, притягивая все внимание, находился стол для вскрытий. Глядя на него, Бентли замер так, словно смотрел на жертвенник ацтеков, с которого все еще стекала кровь.

– Добро пожаловать, – произнес рядом женский голос.

Сидни Фольстом приблизилась к мужчинам и пожала им руки. Пронзительный взгляд судмедэксперта на мгновение замер на Бентли Котленде. Тот почувствовал, что его изучают, и сразу узнал по этому взгляду хищника, которого прекрасно помнил еще со времен учебы в Беркли.

– Ваш начальник предупредил меня о присутствии господина Котленда, – сказала доктор, – для меня это было сюрпризом: не часто мы имеем честь оказывать помощь в обучении кого-либо из прокурорской службы.

Амбиции политика вновь напомнили о себе, и Бентли с силой пожал протянутую ему руку, отметив некоторую иронию в голосе доктора.

– Для нас, людей, исполняющих законы, просто необходимо тщательно разбираться в том, как функционирует судебная система, – пояснил Бентли, старательно выговаривая каждое слово.

– Ладно, тогда я постараюсь подробно пояснить все, что буду делать во время вскрытия, – ответила доктор Фольстом также уверенно. – Этого было достаточно, чтобы Бентли побледнел. Повернувшись к Бролену, Сидни Фольстом добавила. – Впервые за все это время мы будем работать вместе, инспектор!

Бролен уловил в ее голосе некоторый сарказм: теперь он не сомневался: доктору не понравилось, как он повел себя во время их последней встречи. Однако он предпочел промолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.